

Воспоминания о брате

Здесь я попробую описать Серёжину биографию, как серию отдельных моментов его жизни, которые я выудил из моей памяти.

*С тобой уже не говорить
Ты там, где дверь для нас пока закрыта
И ничего ж не изменить
И жизнь твоя, совсем не вся была испита.*

(1). Однажды, в какое-то воскресное утро, мои родители позвали меня к себе в кровать. Отец подхватил меня на свои, покрытые чёрными волосами, мускулистые, узловатые, словно ветки мощного дерева руки, и отчего-то, с горящими радостью глазами стал подбрасывать вверх.

- Ты хочешь чтобы у тебя был братик? - спросил папа.

- Да, - ответил я захлёбываясь от удовольствия и смеха. Мне тогда ещё не было и пяти лет, и я скорее всего, даже не понимал суть его вопроса.

- А знаешь, как его будет звать?

- Нет.

- Мы назовём его Серёжей.

Вот так, ещё до рождения своего братика, я уже стал его старшим братом. Имена своим детям мои родители выбирали задолго до нашего рождения. Без помощи всяких ещё несуществующих в то время ультразвуков, они безошибочно определяли пол своих будущих детей.

(2). После этого разговора прошло немного времени, как в один прекрасный, тёплый осенний день, 23 Сентября 1970 года, в Кишинёве в республиканском роддоме появился на свет Сергей Георгиевич Илиади. А спустя ещё какое-то время, папа на руках

внёс в наш дом белое одеяльце, в которое был укутан новорождённый младенец. Сестра радостно суежилась вокруг кроватки, словно у неё появилась новая кукла, я же встретил братишку довольно настороженно. Видимо моя детская интуиция мне подсказывала, что всё то внимание, которое мои родные раньше всецело посвящали мне, теперь мне придётся делить с этим сморщенным, маленьким красным комочком. Я жутко стал ревновать к брату и дулся по этой причине на всех. Однажды, когда у него уже прорезались зубки, он укусил

мамину грудь во время кормления. Мама инстинктивно вскрикнула от боли, а я подбежал и шлёпнул его по пухлой мордашке.

- Ты что делаешь?! Разве так можно?! – пристыдила меня мама.

- А почему он делает тебе больно?

После этого случая началась серия воспитательных бесед со мной, на тему, как должен вести себя старший брат. Мне объясняли, что все понимают мои чувства и не ругают за них. Говорили, что все меня сильно любят, гордятся мной и хотят, чтобы в

нашей семье все жили дружно и не ссорились, а также, как это замечательно иметь братика, каким надежным другом он станет и как весело с ним будет играть и проводить время. Я покорно выслушивал всё, что мне говорили и особо не спорил. Однако, от всех этих разговоров особых перемен в моём отношении к брату не происходило, я по прежнему к нему ревновал.

(3). По нашей улице каждый вечер проезжал конный милицейский наряд. Сначала бабушка, а потом и моя сестра водили меня к воротам двора, чтобы я посмотрел на лошадей. Бабушка приговаривала: «Но лошадки, но...». Я же по детски лепетал за ней: «Но исяты, но» - притаптывая своими ножками, чтобы попасть в такт цоканья лошадиных копыт по мощёной бульжником мостовой. Высоко задрав голову, я зачарованно наблюдал, как лошади, словно какие-то огромные существа, медленно проплывали по воздуху мимо нас. Такое моё увлечение лошадьми не прошло мимо наших соседей. И вот однажды, спустя пару лет, наш сосед дядя Миля спросил меня:

- Тебе очень нравятся лошадки?

- Очень-очень, - ответил я.

- Тогда давай с тобой меняться. Я тебе дам серую лошадь, да ещё и с каруцей, а ты мне своего братика.

- Хорошо, - сразу же согласился я и обрадованный этим известием побежал к маме.

Мама была в ужасе от того, что я согласился на такое предложение. Она опять провела со мной беседу, в которой пыталась объяснить, что значит быть родным братом. Позже к ней подключился и отец. Наверное это у них в какой-то мере получилось, потому-то в дальнейшем на провокационные

попытки соседа осуществить сделку - я давал категорический отказ. Понял ли я тогда, что

же это всё таки такое - родной брат? Наверное ещё нет. Просто я был довольно послушным ребёнком, делал и говорил то, что от меня требовали.

(4). 1 Мая 1973 года. Сергею уже было два с половиной года. С утра, отец взял меня и сестру повёл на парад, а потом мы уже с мамой и братом, все вместе, пошли праздновать день труда к друзьям наших родителей. Мы с сестрой, посидев там немного, отпросились домой, где потом целый день гоняли на папином спортивном велике. Точнее гоняла она, а я либо бежал рядом, либо сидел на раме. Вечером мы переместились поближе к воротам двора в ожидании того, что родные вот-вот вернутся домой. Уже стемнело, и было достаточно поздно, когда мы заметили мамину подругу с её дочкой, идущими по тротуару. Именно у них отмечался тот праздник. Мы решили, что они шли к нам для продолжения гулянки и со смехом подбежали к ним.

- Да... вы тут смеётесь, а Серёжка свалился с балкона третьего этажа и сейчас в больнице, - сразу пресекла наше веселье дочка маминой подруги.

Помню, что я сразу же заорал и стал в истерике плакать. Понимал ли я, что именно произошло, какие последствия могут быть у моего брата в результате такого падения и выживет ли он вообще? Мне кажется, вряд ли я в то время осознавал это в полной мере. Однако та моя мгновенная бурная реакция, которая была вызвана этой новостью, удивила тогда даже меня самого. Это удивление пришло чуть позже, сразу после того как погасили мою истерику. Я это очень отчётливо помню. Что же это было? Особенность моего психотипа или поселившаяся в моём подсознании понимание о кровном братском родстве? Не знаю, даже сейчас.

(5). Шло время, мы переехали в новую квартиру. Новое место, новая школа, новые друзья. Заметная разница в возрасте (сестра на шесть лет старше, а брат на пять лет младше) не предполагала тогда каких-то общих друзей и интересов. Мне было тогда лет десять-одиннадцать, и я, возвращаясь со школы, видел, как на детсадовском заборе из проволочной сетки обезьянкой висел мой братишка.

- Фосик (так Сергей меня называл в детстве), забери меня домой, - просил он. Я буду играть с тобой во всё что ты захочешь. И я на правах старшего брата, забирал его из садика.

Мне было приятно это делать. Я реально начинал осознавать себя нужным ему. Мы заходили в дом и приступали к нашим играм, точнее скорее к моим играм. Сначала

В детском садике.

мы разыгрывали сценки из кинофильма про ковбоев «Всадник без головы», где он картинно валился на кровать сраженный пулей из «Кольта» или после удара моего «пудового» кулака. Затем мы приступали к футболу, где он мужественно защищал ворота, которыми служили двери ванной комнаты, отбивая мои штрафные удары. Вдоволь потешив своё эго этими незамысловатыми играми, я разрешал ему дальше делать, что он пожелает. Тогда он сразу же приступал к постройке из подушек, стульев и табуреток кабины грузовика, втыкал какую-нибудь палку в расщелину между матрацами дивана, которая изображала в его детском представлении ручку коробки передач, брал крышку от самой

большой кастрюли или выварки для кипячения постельного белья, служившую ему рулём, и начинал самозабвенно «вжикать». Его голубой мечтой детства было стать водителем грузовика, которая спустя тридцать пять лет все же осуществилась.

(6). Была у нас в детстве такая страшилка - «Бафф». Это что-то вроде *Бабая* или *Бармалея*. Придумала её нам наша мама, чтобы иногда остужать наш озорной пыл или для запрета куда-либо соваться: «Там злой *Бафф* живет, не ходи туда, он тебя съест!» И вот, когда я уже подросток, чтобы верить в этого монстра, а мой брат всё ещё пугался его, я иногда специально отходил от него подальше, и что есть мочи орал: «Смотри, *Бафф* идёт». «Малый» (как я его называл), бросал всё и с криком отчаяния бежал ко мне. Я же широко расставлял руки и, сгребая его в охапку, ощущал себя настоящим спасителем. Эта, немного садистская по своей природе, детская забава почему-то яснее всего давала мне осознать своё значение, свою миссию, если хотите, миссию старшего брата. Я своим детским умом стал понимать, что младший брат во мне ищет защиту и я должен эту защиту ему представлять везде, всегда и во всём. Прости братик, что не справился с этим...

(7). В нашем детстве и юности у нас с братом были разные компании. Конечно же мы жили вместе, но общих интересов из-за разницы в возрасте особо и не было. У каждого из нас были свои предпочтения к времяпровождению. Мне стукнуло восемнадцать и я ушёл в армию. Отслужив половину срока, мне предоставили отпуск на родину. Срочно собравшись, так что даже никому из родных не успел сообщить, я всякими правдами и неправдами добрался домой. Был холодный зимний вечер накануне Нового года. Выйдя из автобуса, я стал подниматься к нашему подъезду, как вдруг мой взгляд упал на свору пацанов, играющих в хоккей на едва покрытой снегом площадке возле дома. Я всматривался в их лица пытаюсь найти брата. Ребята были примерно его возраста, роста и комплекции. Точнее были такими каким был он, на тот момент, когда я уходил в армию. Не найдя его среди них, я окрикнул одного мальчишку:

- Эй пацан! А где Сергей?

- Какой? - спросил он меня.

- Брат мой, Сергей Илиади.

- Не знаю такого, - ответил он и побежал дальше гонять шайбу.

- Что за ерунда, - подумал я. - Как это они его не знают? И вдруг, я боковым зрением увидел, что на меня надвигается какая-то тень. Я повернул голову и увидел бегущего ко мне парня, который был повыше меня ростом. Он расправив руки, словно длинные крылья, спешил меня обнять.

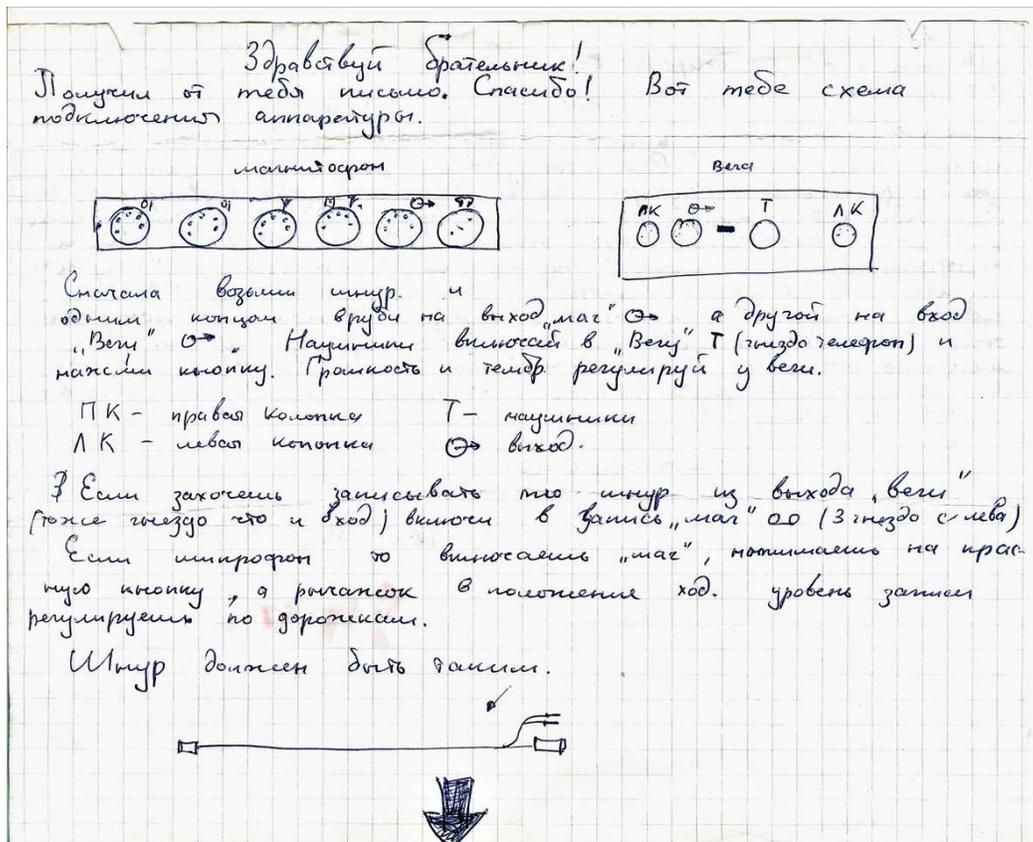
- Сергей!?! – моему удивлению не было предела. Как ты так быстро вырос? Ещё год назад ты же был на полголовы ниже меня! Ну и ну!

- Мама целый вечер посылала меня за сахаром в магазин, - сказал он, - а мне было в лом. Тогда она сказала, что ты сегодня приедешь и из-за моей лени не сможешь даже чай с сахаром попить. Думал она меня разыгрывает, а вон как оказалось, что это правда.

- Странно, я ведь никого так и не успел предупредить о том что я еду в отпуск - удивился я.

Вот так за тот год, что я отсутствовал, мой брат из малого шкета превратился в рослого подростка. Ему тогда уже исполнилось четырнадцать лет.

(8). Не задолго до окончания моей службы в армии я получил от брата письмо. Он не очень меня баловал письмами, может всего два или три за все два года. В том письме он спрашивал меня как ему подключить магнитофон к проигрывателю-усилителю и как на него записывать. Я ему нарисовал подробную схему как это сделать, а про себя с удовольствием отметил, что видать уже подрос брательник и что наконец-то у нас появятся хоть какие-то общие интересы.

Отрывок из моего письма брату с инструкцией для подключения аппаратуры.

(9). - Вставай и собирайся, едем на дачу, - отец бесцеремонно стащил одеяло со сладко спавшего сына.

- Ну папа, я хочу ещё поспать. И вообще, надоела мне уже эта дача.

- Я иду в гараж за машиной, через полчаса вернусь, чтоб был готов к отъезду, - сурово пресек попытку бунта отец.

Через полчаса Сергей начал выносить и загружать в машину бесконечные сумки. Потом он помог отцу привязать к багажнику на крыше машины какие-то ржавые трубы и куски арматуры, найденные папой где-то возле гаражей. Когда всё было загружено и папа с мамой уселись в машину, отец спросил:

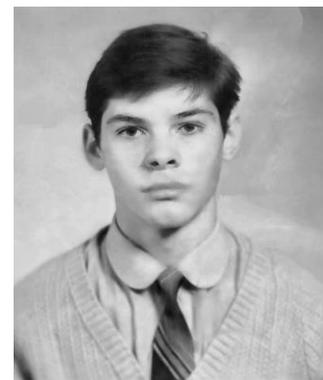
- Алла, а где Сергей?

- Да вот же, только был тут. Ты же с ним возился возле машины.

- Вот паразит, убежал всё таки...

(10). Конец мая, начало июня 1987 года. Сергей заканчивает десятилетку и сдаёт выпускные экзамены. В своём стремлении хоть как-то ему помочь в этом деле, я попросил свою девушку (будущую мою супругу) решить его экзаменационное задание по математике. Дело в том, что Наташа была одержима этим предметом. В своё время она принимала участие во всех школьных олимпиадах по математике и занимала там какие-то призовые места. Посещала математический кружок, математические семинары при университете и ко всему прочему ещё занималась с репетитором - профессором математики. Знания по этому предмету у неё сохранились на всю жизнь. Даже спустя много десятилетий, когда она помогала по математике уже нашему сыну, сначала в школе, а потом и в колледже, я поражаюсь, как она с удивительной точностью помнила все правила, формулы и теоремы.

Сергей, во время экзамена, вышел в туалет и выкинул в окно третьего этажа записку с заданием. А потом, когда Наташа всё решила, он опять вышел в туалет и скинул катушку с ниткой, придерживав начало мотка в своей руке. Я быстро привязал листок с решением и Сергей без проблем его поднял. Какое же было наше удивление, когда ему поставили «неудовлетворительно» по этому экзамену. Наталья не находила себе места от обиды: - Как они могли поставить двойку? Я могла допустить какую-то неточность или оплошность, но так чтоб на двойку? У меня в жизни не было не то что тройки, но даже и четвёрки по математике. Она была сломлена и подавлена, а Сергею было до лампочки. Он

Сергей в десятом классе школы.

переживал только за то, что она переживала об этом. В конце концов выяснилось, что поставили ему двойку не за решение, как таковое, а за подозрение, что он у кого-то списал.

Когда отец пришёл в школу на разборку, учительница показала ему экзаменационную работу Сергея. Она сказала, что он всегда был «еле-еле» по её предмету, а тут, мало того, что он всё решил без единой ошибки, так ещё одно задание умудрился решить двумя способами. Причём вторым способом не мог сразу решить никто из экзаменационной комиссии.

- То есть таким способом никто из учеников не решил? – переспросил он.

- Никто.

- Тогда у кого он мог списать? – резонно парировал отец. - Более того, он был замечен в списывании?

- Нет. Но он не мог сам всё решить.

После продолжительной дискуссии, обе стороны пришли к соглашению, что Сергей должен походить пару недель на дополнительные индивидуальные уроки, после чего ему поставят «удовлетворительно» и он закончит школу-десятилетку. Что и произошло.

(11). Вот уже и школа осталась позади.

- Куда пойдёшь учиться, работать? – спросила своего младшего отпрыска мама.

- Хочу только на автослесаря.

- Ни за что. Иди куда угодно только не на автослесаря.

- Ну почему мама?

- У них у всех больные почки.

Мама знала о том, что она говорила. Дело в том, что она работала в поликлинике, в отделении, которое занималось обслуживанием работников различных предприятий. Она была в курсе статистики по проф. заболеваниям и знала, что многие автослесари

страдают болезнями почек, видимо из-за того, что им часто приходится ремонтировать машины лёжа под ними на холодном полу.

- Но всё остальное мне не интересно, - упрямылся младший сын.

И действительно, машины для Сергея были его страстью. Уже лет в шесть-семь он научился водить. Сначала сидел у отца на руках и крутил руль, когда они отгоняли машину в гараж. Сам гараж находился километрах в трёх от дома и всем всегда было в тягость идти туда с папой и ставить машину, особенно вечером, особенно если в это время был какой-нибудь фильм по телеку.

- Кто со мной в гараж?

- Я, - без колебаний всегда отвечал Сергей. И они отправлялись в гараж вдвоём, где по дороге он и упражнялся с отцом в обучении вождению.

Постепенно он подрос и стал уже доставать ногами до педалей. Тогда отец ему позволил сидеть за рулём самому. Сергей открывал полностью окно, клал локоть на дверь и весь светясь от ощущения своей важности, и конечно же от удовольствия, поглядывал по сторонам пытаясь поймать восторженный взгляд случайных прохожих.

Однажды вечером в квартире раздался телефонный звонок.

- Алло, это квартира Илиади?

- Да.

- Вам звонят из районного отделения ГосАвтоИнспекции. Номер вашей машины 10-81 МВЛ?

- Да. - А что случилось? – удивлённо спросил отец.

- Её угнали и мы задержали двух угонщиков.

- Здесь какая-то ошибка, я буквально несколько минут назад пришёл из гаража, куда её поставил.

- Боюсь, что никакой ошибки нет. Приходите в отделение и сами всё увидите.

Отец заглянул в сервант, посмотрел на ту полку где он обычно хранил ключи от машины и гаража и не обнаружив их на месте всё понял. Он пришёл в отделение милиции и увидел, что на скамейке сидят два отпетых угонщика: Сергей и его дружок по юности Витька.

- Пожалуйста только не устраивайте здесь сцен, - предупредил отца мильтон. – Забирайте их домой и там уже воспитывайте по полной.

Конечно же воспитательная беседа была проведена, но в душе, я думаю, отец был рад за сына. Какой же он уже стал взрослый.

Два отпетых угонщика, Сергей и его дружок Витька.

(12). Спустя несколько месяцев, по маминому наставлению, Сергей всё же был по благу пристроен в ПТУ на учёбу, то ли на сантехника, то ли ещё на кого-то. Директором того училища был муж её подруги по работе. И вот, в один прекрасный день, мама была по своим делам где-то рядом с тем училищем. Она решила зайти и справиться об успехах своего сына.

- Аллочка, твой сын давно забрал документы и перевёлся в другое училище, - сообщил ей «блатной» директор.

- Как? Куда? Почему?

- Так он захотел. Я думал, он вам сообщил об этом.

Сергей перевёлся в училище, в котором готовили механиков холодильных установок. Мне до сих пор так и не понятен тот его ход конём. Вероятно он это сделал в знак протеста или ещё по какой-то причине, так как по приобретённой в училище специальности он практически не работал.

(13). Примерно с девятого класса школы, мы с пацанами всегда на майские праздники ходили в поход. Примечательно, что именно в той деревне, возле которой мы

облюбовали место в лесу для наших ежегодных маёвок, папа начал строить дачу. И вот, придерживаясь нашей доброй традиции, в первую же весну, после того как те из нас, кто служил в армии уже вернулся, мы снова засобирались в поход на старое место. Однако, на этот раз наша компания существенно увеличилась в составе, включая в себя не только старых друзей, но уже также и наших жён, невест и подруг. Сергей в это время находился с родителями на даче и в поиске возможностей, чтобы отлынить от надоевшей дачной трудовой повинности напросился с нами в поход.

Помню, как я в палаточном лагере занимался каким-то делом и довольно требовательно попросил свою будущую жену что-то или сделать или принести. Наверное моя просьба была произнесена несколько грубовато, так как Наталья обиженно фыркнула и отвернулась, а Сергей, наблюдавший эту сцену, осмелился вступить за неё и заявил:

- Так с любимыми людьми не говорят.

Я было уже набрал полные легкие воздуха чтобы высказаться и осадить юнца.

- Да как он смеет мне делать замечание! Да ещё в присутствии моих друзей и знакомых, - однако вовремя осёкся. - А ведь он прав, чёрт побери и просто защищает дорогого мне человека, - подумал я.

И вот, с той поры и до самых последних мгновении их жизней они всегда с заботой и настоящей, какой-то истинно братско-сестринской любовью относились друг к другу. Я не помню, чтобы они на протяжении более чем тридцати лет хоть раз поссорились или даже повздорили бы по какому-либо поводу.

Братик мой родной, позаботься пожалуйста о моей птичке и там, где вы сейчас, пока я ещё немного пошустрю здесь, разделяваясь с делами и долгами...

(14). За пару месяцев до того, как Сергею надо было идти служить в армию, мы поехали навестить нашу тётку. Дорога предстояла длинная, всю ночь на поезде ехать. Вечером мы разложили на откидном столике наши харчи, откупорили бутылку вина и принялись за ужин. Так как у нас были боковые полки, то не надо было никого просить подвинуться или пересесть.

- Расскажи мне, как там в армии? – попросил меня брат.

- Там по-всякому бывает. Самое главное, о чем тебе надо всегда помнить, - ты должен вернуться живым и здоровым. А для этого тебе всего лишь надо соблюдать несколько простых правил.

Брат посмотрел на меня внимательным взглядом в ожидании услышать какие-то важные секреты из армейской жизни. Заметив его неподдельный интерес к теме разговора, я стал корчить из себя гуру стратегии выживания в дикой армейской среде. Придав себе вид глубокой задумчивости, я подпёр подбородок ладонью и уставился взглядом в мрачную темень ночи за окном поезда.

- Ну, Рыжий, не тяни кота за хвост. Какие правила?

- Экий ты нетерпеливый. Кстати, терпение - это главное качество, которое ты должен в себе прежде всего выработать. Как говорил один мудрый азиат, тебе надо положить своё нетерпение в сундук ожидания. И я рассказал ему, как выбрал для себя основную стратегию выживания.

- Первые полгода я служил в учебке, в Москве, - начал я своё повествование. - Привезли нас в часть поздно вечером, прямиком с киевского вокзала. Сначала остригли наголо, потом повели в баню, после выдали форму, распределили по подразделениям и повели по казармам. Часа в три ночи мы улеглись в койки, а в шесть уже подъём. Шум-гам, вой, крики. Я еле-еле разлепил глаза и не сразу врубился, где я и что за вакханалия вокруг.

- Подъём, дух бесплотный, или тебе особое приглашение надо! - заорал в ухо сержант с перекошенной от злобы мордой.

- Я не хочу вставать, я совсем ещё не выспался. Нас привели сюда только в три утра. Сержант в недоумении посмотрел на меня, заткнулся на какое-то время, а потом вдруг понимающе замахал головой.

- Так вот слушай меня. Твои желания уже не важны, они уже не играют никакой роли. Два года ты будешь делать не то, что ты хочешь, а то, что тебе скажут твои командиры.

- Подъём!!! - опять проорал он мне в ухо, - или весь взвод будет «летать» (раздеваться-ложиться и подниматься-одеваться) из-за тебя и можешь себе представить, как они потом тебя отблагодарят.

Тогда я понял, что надо просто на время выключить себя из жизни. «Чик» и всё, меня нет, я на паузе. А тот «другой я», просто делает всё, что ему положено и не обращает на свои хотелки никакого внимания. А через два года надо просто включить себя обратно. Вот и всё. Это и есть главная стратегия выживания. Положено мужику два года отдать родине - отдай, а потом живи для себя как ты хочешь.

Сергей посмотрел на меня недоверчиво и спросил:

- И это всё?

- Это главное. А ещё тебе надо запомнить как минимум несколько правил «не». Первое: никогда ни на кого не стучи. Стук тебе навряд ли поможет, а вот если узнают, то уже никогда не отмыться и нигде не скрыться. Армия, на самом деле, это одна большая семья. Второе: никогда и ни при каких обстоятельствах не позволяй себя унижать. Делай то, что тебе положено, но не более. Лучше пару раз быть отмудоханным, чем даже единожды униженным. Третье: никогда ни на кого не надейся. Предают в основном те, кого ты считаешь друзьями. И, наконец, четвёртое: не пытайся ни на кого произвести впечатление типа: «смотри как я могу»! Здоровее останешься.

Интересно, что спустя десятки лет, когда мы с Сергеем вспоминали наши армейские денёчки, он мне признался, что тот разговор в поезде ему запомнился на всю жизнь и очень сильно ему помог в его стратегии выживания и даже не только в армии.

В советской армии.

Осенью, мы несколько дней, ходили его провожать на сборный пункт. В университете, как водилось в ту пору, нас направили в колхоз на уборку винограда, к тому же ещё жена должна была вот-вот родить сына. Я периодически приезжал в Кишинёв, но именно день отправки Сергея в армию пропустил. Мама с папой целыми днями стояли под забором призывного

пункта в надежде проводить его до поезда, как в своё время меня. Однако успели с ним попрощаться только по телефону. Сергей позвонил ночью с вокзала и сообщил, что его команду неожиданно увели на вокзал, что уже кричат «по вагонам», и что забирают его служить в Германию. Собственно в Германии он и прослужил все два года. Сначала в разведбате, а потом связистом. И надо же было такому случиться, что служил он именно в той воинской части, в которой за 30 лет до него работала наша мама.

(15). Где-то в начале весны 1990 года в нашей квартире раздался телефонный звонок. Трубку сняла жена.

- Костя, это мама звонит. Говорит, что что-то срочное.

Я рванул к телефону, на ходу пытаюсь представить, чем может быть вызвана срочность.

- Бери Наташу и немедленно ежайте на вокзал. Сергей приезжает из армии в отпуск. - Встречайте его московским поездом, - быстро и чётко, приказным тоном, не терпящим возражения, проговорила мама.

- А каким именно?

- Не знаю. Встречайте все подряд.

Я глянул на часы. Было почти шесть часов вечера. - Так, так... - пытался я собраться с мыслями. «Молдова» (фирменный поезд Москва-Кишинёв) прибывает где-то к десяти вечера, - вспомнил я его расписание, так как много раз этим поездом возвращался домой. Стало быть до него есть ещё время. Я знал, что из Москвы есть ещё какой-то тихоход, который останавливался возле каждого столба, и прибывает в Кишинёв рано утром. Так что этот отпадает. Также я припомнил, что есть ещё два проходящих скорых: Москва-София и Москва-Бухарест, и один из них должен прибывать вечером. Я позвонил в справочную и узнал номер телефона справки вокзала, однако на вокзал дозвониться никак не удавалось. Постоянно было занято. - Ладно, узнаю на месте, - решил я, а то ещё пропущу. Так как наш ребёнок в этот день находился у Наташиной бабушки, мы с женой без промедления выехали на вокзал.

Практически одновременно с тем, как мы вошли в здание вокзала, прибыл поезд Москва-Бухарест.

- Я буду стоять у центрального выхода, а ты пробегись вдоль состава, - предложила Наташа. Спустя минут двадцать я подошёл к ней и задал риторический вопрос: «Ну что, не видела его?»

Следующий поезд из Москвы прибывал после десяти вечера. Остаться на вокзале и ждать три часа было бы жутко муторным занятием, поэтому мы вернулись домой, откуда я позвонил маме и с пристрастием выпытал все подробности. Оказалось, что никакой точной информации у неё не было. То ли был какой-то звонок по межгороду, который сорвался, то ли ходили какие-то слухи об отпуске, которые перемешались с мамиными домыслами. По мере того, как с ней говорил, я всё больше склонялся к мысли, что паника вызванная приездом брата напрасна, а вероятность того, что он едет в отпуск и сегодня должен приехать из Москвы поездом, неумолимо стремилась к нулю. Тем не менее, чисто ради очистки совести, я все же поехал встречать последний московский поезд, но как и ожидалось, брата в нем тоже не было. Я позвонил маме из привокзального телефона-автомата и сказал, что по-видимому встреча с Сергеем пока переносится на неопределённый срок.

(16). Осенью 1990 года, Сергей без особой радости вернулся из армии. Оказывается у него были планы остаться в Германии на сверхсрочную, заработать денег, купить авто и на нём вернуться в союз. Но горбачёвская перестройка и новое мышление не только разрушило Берлинскую стену, но и Серёжкину мечту. Советские войска спешно покидали Германию и ни о какой сверхсрочной службе там, не могло быть и речи.

Погуляв всего пару-тройку недель, он опять принялся трепать маме нервы своим желанием пойти работать автослесарем. Мама, как водится, забила тревогу и для поиска Сергею адекватной, с её точки зрения, работы задействовала все свои мыслимые и немыслимые источники, поставила на ноги все свои спецслужбы. Результат не заставил себя долго ждать. Один из врачей медпункта при ювелирном заводе сообщил ей, что на заводе сейчас набирают учеников и он мол может замолвить за Серёжу словечко. Мама поделилась новостью с папой. Отец хоть идею и одобрил, однако довольно скептически

отнёсся к её жизнеспособности. Он знал об неуёмной тяге Сергея к машинам, но видимо мама была настолько убедительна в том, что «автослесарство» сгубит парня (через пару лет будет радикулит, потом ревматизм и всё в конце концов закончится пиелонефритом), что отцу ничего не оставалось, как согласится с её доводами. Вечером, за ужином родители начали прощупывать позиции.

- Ну ты уже определился чем займёшься? - издалека начала разведку-боем мама.

- Пойду искать, может возьмут где-то в ученики автослесаря или на крайний случай поступлю на автослесаря в училище, - уверенно заявил Сергей.

- Я же тебе сказала, никакого автослесаря! Только через мой труп! - это уже был залп тяжелой дальнобойной артиллерии.

- Зачем же ты учился на мастера холодильных установок? - хитрым тактическим приёмом папа вышел в тыл противнику.

- А что мне ещё было делать? Не оставаться же мне было учиться на мастера по прочистке канализаций, куда вы меня пристроили. Я вам сразу сказал, что и холодильщиком работать тоже не буду.

- Хорошо, - согласилась мама. У меня сейчас появилась возможность устроить тебя на ювелирный завод. Сначала пойдёшь учеником, а потом мастером.

- О, хорошая специальность! - одобрительно воскликнул отец. - Денежная, наверно. Чисто, сухо, спокойно. Опять же, творческая деятельность.

- О чём это вы мне тут говорите? Буду я вам ещё как старый крот с цацками возиться. Мне это не надо. Вам надо - вот вы и идите туда.

Обстановка понемногу начала накаляться и в семье назревал скандал, способный перейти в бунт младшего поколения. Доводы родителей были слабо обоснованы: «мы старше, мы знаем как лучше!» Младший же требовал свободы волеизъявления и независимости. В конце концов диспут достиг апогея и Сергей хлопнув дверью вышел на улицу, в темноту холодного зимнего вечера. Проволындав пол ночи, остывший и даже слегка замёрзший, он вернулся домой, тихо пробрался в свою комнату и спустя пару

минут захрапел. Из соседней комнаты раздался облегчённый вздох отца, а мама тихо проговорила: «завтра всё образумится».

И действительно, поднявшись по армейской привычке чуть свет, Сергей умылся, позавтракал и как ни в чём не бывало сказал: «ну пошли посмотрим, что там за «ювелирничество» такое».

Сергей был принят на завод учеником и довольно быстро втянулся в работу ювелира. Уже через полгода он начал собирать свой собственный инструментарий для домашней мастерской. Отец, будучи в Москве в командировке, по заказу сына нашёл и привёз ему кучу разных дефицитных деталей и инструментов. Брат потихоньку стал ремонтировать всякие замочки на серёжках и кулончиках, расширять и сужать кольца и другие незамысловатые ювелирные работы. Так, незаметно он втянулся в работу, приобрёл определённые навыки и стал даже немного важничать.

И вот, после того, как все знакомые, родственники и друзья уже по несколько раз давали ему что-то починить или сделать, поток заказов пошёл на убыль. Тогда он со своим сотоварищем решил открыть собственное дело. Они уволились с завода и открыли мастерскую в самом центре города, в гостинице «Молдова».

Жизнь понемногу налаживалась, дела шли в гору, но, как это обычно бывает быстрое развитие бизнеса, часто сопровождается повышенным вниманием как со стороны бандитов, так и представителей правоохранительных органов. Они, как голодные шакалы, стали ходить кругами вокруг мастерской и, постепенно сужая кольцо, готовились к решающему броску. И вот, когда стало уже реально опасно, Сергей оставил детей на попечение бабушек и дедушки вместе с женой уехал за новой жизнью в страну своих предков - Грецию.

(17). Что-то и не припомню, чтобы у Сергея до армии были серьёзные отношения хотя бы с какой-то девушкой. Я имею виду всякие охи-вздохи, терзания-переживания. Он со мной не делился, а я с расспросами к нему не лез. Поэтому его заявление, что он хочет жениться, стало для нас как гром среди ясного неба. Наш Серёжка влюбился. И, как оказалось, влюбился отчаянно.

Интересно, что познакомился он со своей будущей женой ещё до армии. Сергей частенько ходил с отцом играть в футбол на небольшой спортплощадке, расположенной недалеко от дома. Пока они гоняли мяч, на скамейках вокруг площадки иногда собиралась компания менее спортивно настроенных молодых людей. Они в это время просмаливали свои лёгкие табачным дымом и громко галдели, наблюдая за футбольной баталией. Среди них были и приятели живущие в соседних домах и просто знакомые со школы. Однажды, после игры, Сергей подошёл к ним поздороваться, а также просто перекинется парой слов. И вот тогда-то он и познакомился с симпатичной блондинкой, которая выгодно отличалась от своих подруг, находившихся в той компании. Хотя они потом изредка и встречались, их отношения в то время оставались на уровне: «Привет. Как дела? Пока, пока».

Под самый конец 1990 года, через пару месяцев как Сергей вернулся из армии, мы с женой купили на птичьем рынке щенка немецкой овчарки. Дело было в преддверии Нового года. Поэтому мы решили, что пусть Сергей в образе «Деда Мороза» подарит щенка нашему сыну на праздник. Таким образом, ему пришлось взять пёсика к себе домой и ухаживать за ним пару недель. И вот однажды, гуляя во дворе с собакой, он встретил ту самую блондинку, Оксану. Они поздоровались, разговорились, после чего стали встречаться и у них завязались романтические отношения.

Через пару месяцев Сергей решил шикануть и повёл Оксану в ресторан «Русь», где угощал её мороженым и шампанским. Вероятно ей там так понравилось, что в следующий раз она пошла туда уже со своими подружками. Однако, у моего брата в ресторане работал какой-то приятель, который немедленно телефоновал Сергею об увиденном безобразии. Сергей, снедаемый ревностью, весь извёлся и как подобает настоящему гусару, от переживаний напился вдрызг. Он просидел не один час на морозе, карауля Оксану возле подъезда её дома. Когда же она соизволила прийти домой, он ловко её перехватил и увёл в темноту павильона, близлежащего детского садика. Там, размазывая пьяные слёзы по своему лицу, он, запинаясь и всхлипывая от волнения, сделал ей предложение руки и сердца. Оксане намерения Сергея не показались на тот момент достаточно серьёзными, и она, сделав скидку на его тогдашнее состояние, попыталась отделаться малоубедительным согласием. Но надо было знать моего брата. Ему нужны

были твёрдые гарантии её решения и заверения в любви. Он рвал на себе куртку и требовал от Оксаны клятвенных обещаний. Она же в морозную ночь пыталась хоть как-то его укутать в одежду и отвести домой. В конце концов она довела Сергея до дверей квартиры наших родителей, позвонила в звонок и передала его в руки его обалдевшим родителям. Они кое-как уgomонили влюбленного ревнивца и уложили спать на полу в прихожей, так как оттащить бесчувственное тело на кровать не было никакой возможности.

Спустя пару месяцев после вышеописанных событий Сергей бросил пробный шар:

- Папа, я хочу жениться.

- Что, что? - О чем это ты? - с изумлением спросил отец. Как это жениться? Ещё и пол года не прошло как ты с армии пришёл и уже жениться. - Давай-ка сперва с работой или учёбой определяйся, - приступил к нравоучениям отец. Семья - это не игрушка. Сегодня захотел жениться, а завтра разводиться. Это дело на всю жизнь. Надо сначала крепко стать на ноги, получить хорошую специальность, начать зарабатывать достойные деньги, а уже потом думать о женитьбе.

- Но я хочу жениться сейчас.

- Ты хочешь или тебе уже надо? - прищурив глаза жестко спросил отец.

Сергей не понял такой постановки вопроса. Однако, отец задал его неспроста. Он уже наученный предыдущим опытом со мной, решил выяснить досконально, какие мотивы на женитьбу есть у младшего сына. Сподвигло же его на такое уточнение то, что когда я в своё время заявил о желании жениться, он меня просто не правильно понял. Я знал, что на моё сообщение о женитьбе последует многочасовая лекция: о том, что ещё рано, что надо закончить университет, потом поступить в аспирантуру, потом защитить диссертацию, занять достойную должность, достигнуть достаточного материального положения и т.д. и т.п. Поэтому я просто ему сообщил, что вопрос уже решён мною окончательно и бесповоротно.

- Так ты что, уже нагулялся на свою голову? - спрашивая это у меня, он имел ввиду, что я уже заделал ребёнка.

- Да, - твёрдо ответил я. - И мне уже надо жениться, - промолвил я, имея ввиду нечто другое чем отец. А именно, то что надоело бегать по девкам, что уже встретил ту самую свою единственную половинку.

- Ну что ж. Надо, так надо, - согласился отец и печально пожав плечами сдался без боя.

В случае с Сергеем, он дожал его своими уточняющими вопросами до конца, и поняв, что мотивом его женитьбы является просто банальная любовь, а не беременность его подруги, сообщил свой вердикт: «Забудь о какой-либо женитьбе! Гулять-гуляй, а о свадьбе впредь со мной не затевай никакие разговоры. Точка!».

Однако, спустя пару месяцев после первой попытки, Сергей сделал ещё один ход. Воспользовавшись тем, что мама уехала навестить больную сестру, он наплёл Оксане о тяжких муках голода в доме. Остались мол с отцом без хозяйки и есть решительно нечего. На самом же деле он просто хотел хоть как-то приучить отца к мысли, что Оксана это именно та девушка, которая ему нужна и от своих намерений *«бракосочетнуться»* с ней он не отступится. Оксана напрягла всю свою фантазию и, проявив чудеса кулинарного искусства, сварила умопомрачительную гречневую кашу. Когда отец пришёл домой его пригласили отобедать, в ответ на что он злобно фыркнул и сказал, что на кухне должна быть только одна хозяйка и это его жена.

Следующий контакт отца с Оксаной произошёл совершенно случайно и стал для Оксаны роковым в принятии ею решения выйти замуж за Сергея. Она позвонила Сергею домой, но трубку поднял отец. Сергей же в это время просто решил прилечь отдохнуть после работы и неожиданно крепко уснул. Не разобравшись, что отец это не Сергей, так как их голоса по телефону были очень похожи, она принялась что-то рассказывать и о чем-то договариваться. Отец поначалу стал ей подыгрывать, но потом сознался, что он не Сергей, а его отец и безапелляционно пригласил её на срочный разговор. Спустя несколько минут Оксана пришла и подверглась двухчасовому допросу с пристрастием, по всем правилам жанра. Отец её усадил в кресло посреди комнаты, напротив солнечного

окна, сам же он сел в другое кресло, оставаясь в тени. Бедная девочка поначалу растерялась. Надо учесть, что на тот момент ей вот-вот должно было исполниться только восемнадцать лет. Однако, справившись с первым натиском, она потихоньку оперилась и перешла в настоящее контрнаступление, решив даже потроллить отца. На вопрос кто её родители она заявила, что её отец пропащий алкоголик, который давно их бросил. Так что воспитывалась она одной мамой, которая постоянно была занята работой на фабрике глухонемых, чтобы прокормить двух дочерей ну и так далее. Папа, переварив услышанное сделал ей предложение:

- Поживите-ка вы пока без свадьбы и детей. Годиков так пять-шесть. Потом если вы не расстанетесь, то я сыграю вам свадьбу, подарю машину, обеспечу жильём и дам денег.

- Сколько-сколько годиков? Вы хотите, чтоб я всю свою молодость прожила с вашим сыном в ранге непонятно кого. И что обо мне тогда будут говорить люди? Ни за что! Помяните моё слово. Ещё до конца этого года, я выйду за него замуж.

Вот именно в тот момент, она и приняла настоящее решение о замужестве. Правда, из этого всего так и осталось непонятно, решила она тогда выйти замуж из-за любви к Сергею или же из-за желания сдержать своё обещание перед нашим отцом.

Надо сказать, что к осуществлению операции «свадьба любой ценой» молодые подошли с огромным, и я бы сказал с пылким, энтузиазмом, выбрав стратегию «свадьба по залёту».

Где-то в сентябре месяце, отец позвонил мне и объявил, что будет ждать меня и мою сестру на даче в воскресенье. Мы должны приехать только вдвоём, так как будем решать очень важный и сугубо семейный вопрос. В установленный день, мы с сестрой прибыли на совет. Вопрос на повестке дня был один: как образумить и не дать совершить акт бракосочетания, обезумившему от любви сыну и брату. Отец часами нудил, приводил вроде бы разумные доводы и аргументы. Мама в основном поддакивала отцу, правда как-то без особого вдохновения. Мы с сестрой то поддерживали желание брата, то метались на сторону родителей. Короче говоря, все извелись вконец и постановили: свадьбе не бывать! Пусть ещё проверят свои чувства.

- Вы ещё все передумаете, - сощурился глазами, полушёпотом злобно произнёс брат, - когда вы услышите мой очень весомый аргумент.

На следующей неделе Сергей заявился к маме на работу и сообщил, что Оксана беременна. Это и был тот весомый аргумент, о котором он говорил на даче. Он просто тогда ещё ждал подтверждения от Оксаны. Этот аргумент начисто сломил всю изысканную оборону семьи и в декабре состоялась их свадьба.

(18) - Давай лучше поедим на автобусе, чем полетим на самолёте, - предложила Оксана.

- С чего бы это? - удивился Сергей, - лететь пару часов, а ехать несколько суток.

- Зато в автобусе познакомимся с кем-нибудь, разговоримся, может чего полезного узнаем. А так прилетим в Афины и что дальше?

Доводы её показались Сергею резонными и они отправились покорять Грецию в составе туристической группы от молдавского общества греческой культуры. Остались позади многие месяцы возни с документами, собирание всевозможных справок, выписок и прочей бумажной бюрократии. Визы были выданы на три месяца, так что на разведку супруги выехали вдвоём, оставив детей на попечение бабушек и деда.

По прибытию в Афины они поселились на несколько дней в недорогой мотель, а потом в каком-то частном доме взяли в аренду комнату с двумя матрасами на полу. И началось вкушение всех прелестей иммиграции: привыкание к людям, к языку, к обычаям, к еде и т.д. А также постоянная экономия во всём, и самое важное, активный поиск работы. Потому что работа - это именно то, что даёт деньги, а деньги обеспечивают

комфорт существования, который, в свою очередь, приводит к душевному умиротворению. Чего, собственно, все и хотят от этой жизни.

Три месяца пролетели как один день, и они вернулись из разведки. Второй заезд (в прямом смысле слова, они поехали на своей машине) был уже более успешен. Во-первых уже был кое-какой опыт, но самое главное у него появился в Греции протеже.

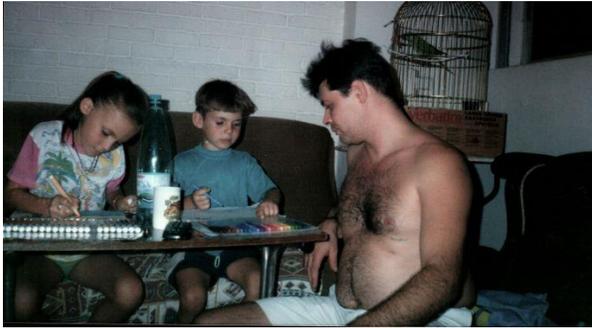
В то время, когда Сергей с женой уже были в Греции, папа будучи в президиуме (если вообще не председателем) греческого общества Молдовы, был приглашён в Афины на какой-то конгресс понтийских греков. Там он познакомился с кем-то из российского общества. И когда он назвал свою фамилию, то его визави спросил:

- А вы не знаете такого-то Илиади из Москвы? Не родственник ли он ваш случаем?

Так как отец был страстно увлечен созданием родословного древа фамилии, он потом всячески пытался найти этого возможного родственника. Искал в Москве, но нашёл в Афинах. Так как этот человек к тому времени уже переехал, из столицы России в столицу Греции. Папа передал его телефон Сергею, а тот уже разыскал его в Греции. Они познакомились и сдружились. А впоследствии он вместе со своей женой оказал Сергею и Оксане неоценимую помощь в адаптации: помогли найти работу, жильё и сыграли пожалуй решающую роль в том, чтобы они получили вид на жительство, а в дальнейшем и греческое гражданство.

Но это будет позже. В то же время, вид на жительство ещё не был получен. Поэтому, чтобы продлить визу, им опять пришлось выехать из страны и въехать заново. Решили поехать на албанскую границу, где (по предварительной договорённости) им должны были сделать такое продление. А там, несмотря на то, что с визой проблем не было, получилась загвоздка с машиной. Оказалось, что продление на разрешение машины находится в Греции надо делать по месту регистрации т.е. в Молдавии. Тогда они вернулись в Кишинёв во второй раз. Когда их сын увидел Оксану, он бросился к ней, обнял за ноги и ни за что не хотел отпускать. А когда засыпал, то крепко держал Сергея за палец и как бы глубоко он не спал высвободить палец было практически не возможно. И

вот, оформив детям загранпаспорта вся семья наконец-то в полном составе вылетела в Афины.

Занятия с детьми у себя дома в Афинах.

В гостях у брата в Афинах. 2001 год.

(19). Наконец-то свершилось. На встречу нового 2005 года, мы решили собраться всей семьёй вместе в Кишинёве. Я созвонился с Сергеем и мы договорились о встрече в Бухаресте, в аэропорту. Он вылетел из Афин, а мы из Торонто. Благо, что наши самолёты прилетали в Румынию примерно в одно и тоже время. Мы довольно легко нашли друг друга, обнялись и решили сразу же отметить встречу в аэропортовском ресторане. Поднимая один бокал за другим мы рассказывали друг другу о своем житье-бытье. Спустя некоторое время, мы уже слегка навеселе, пошли выяснять, как добраться до вокзала. Тут-то нас и перехватил какой-то субъект, настырно предлагая супер-лимузин-сервис до «гара де норд» (ж-д вокзал) за смехотворные (по его мнению) деньги. Путая английские, греческие, румынские и русские слова мы сговорились с ним на 20 долларов и двинули на стоянку машин. Каково же было наше удивление, когда супер лимузином оказалась ветхая «Дачия». Слегка разочарованные, мы скривили физиономии и начали было озираться по сторонам, ища глазами чего-нибудь другого. В этот момент наш бомбила по-видимому понял, что клиент собирается слинять. Он подхватил наши сумки и чемоданы и с остервенением начал их запихивать в более чем скромный багажник маленькой «Дачии». Потом, чтобы в конец развеять наш скепсис, он заявил, что за эти деньги не только нас довезёт до вокзала, но и покатает немного по городу, служа нам при этом ещё и гидом.

- Всё будет «фоарте бине», - сказал он, - показав для убедительности жест «Окей».

- А фиг с ним. Поезд вечером, времени ещё полно, чего нам сидеть и скучать на вокзале. - Садись братва, - на правах старшего группы я принял решение за всех.

Так как машина была маленькая, то я решил, что на переднее сидение лучше всего усадить Сергея, как самого крупногабаритного, а я, Наташа, и наш сын сядем сзади. Однако бомбила-гид сказал, что это место его.

- Не понял, - удивился я. - У него что британский или японский вариант машины? Но всё оказалось ещё хуже. В машине уже сидел водитель. Наверное в целях безопасности, они бомбили вдвоём. Но так как решение уже было принято, чемоданы упакованы, а гид умоляюще смотрел на нас практически со слезами в глазах, мы с третьей попытки втиснулись вчетвером на заднее сидение. Машина просела и, практически царапая асфальт, с жутким воем тронулась с места, оставляя после себя сизое облако ядовитого выхлопа. Надо сказать, что время было посткризисное и смотреть на Бухарест тогда было печально. Мало того, что сидя как сельди в бочке мы не испытывали больших удобств, так ещё и из-за вездесущего ремонта дорог, мы постоянно продвигались по каким-то закоулкам с бесконечными помойками. Более того, на большинство вопросов наш гид отвечал, что ещё не всё знает: что, да как, да где в Бухаресте, потому что они с братом (он ткнул в водителя пальцем), только недавно сюда приехали из какой-то румынской дыры.

Ещё немного потерпев супер-комфорт, мы попросили отвезти нас по самой короткой дороге напрямик на вокзал. Там же, когда мы расплатились с нашим гидом, он опять принялся клянчить деньги: типа брату тоже надо что-то дать. Мы немного повозмутились, пытаюсь объяснить, что договаривались о цене за поездку, а не о количестве водителей и сопровождающих лиц, но наш скудный румынский был настолько неубедителен, а гид настолько жалким, что мы сунули ему ещё пять баксов и быстренько потащили наши чемоданы внутрь вокзала. Без проблемы купив билеты в Кишинёв, мы принялись искать камеру хранения, но оказалось, что она на ремонте.

- Что же делать? - Не таскаться же по всему городу с чемоданами, и мы от безысходности опять полезли в привокзальный ресторан, где мы с братиком обречены были продолжить возлияния. К вечеру мы были уже в кондиции «лучше к нам не приставайте и с нами не спорьте».

За минут двадцать до отправки нашего поезда, мы отыскивали нужный нам перрон, на котором уже стоял под парами долгожданный экспресс. Мы доползли до первого (по счёту) вагона, куда собственно и были куплены билеты, однако на вагоне был номер «2».

- А где первый вагон? - спросил я слегка растягивая слова. Проводница как сова покрутила головой налево и направо, поморгала немного, и ничего не ответив убежала внутрь вагона.

- Ты её испугал, - сказала Наташа, - надо повежливей. - И говори на румынском, - дал указания брат. Через некоторое время проводница снова показалась в проёме тамбура.

- Скузац вэ рог, - начал я своё обращение. - Унде есте вагон нумырул уну? - показав один палец спросил я.

Проводница опять поморгала пару секунд и вновь скрылась в утробе вагона. В это время вернулся наш сын, который бегал вдоль состава ища табличку с первым вагоном.

- Нет нигде первого, - заявил он.

Тогда Наталья бросилась к кассам чтобы спросить почему продали билет в вагон номер «1», которого нет в составе, но касса оказалась наглухо закрыта.

Мы с братом понемногу начали закипать.

- Да что за ... твою мать! - проорал Сергей, как-раз в тот момент, когда проводница в очередной раз высунулась из тамбура. И это магически подействовало. Проводница сразу же среагировала и по-русски сказала, что хоть здесь и висит табличка со вторым номером, на самом деле это первый.

- А понятно, - сказала Наталья, - мы просто давно не были на родине. И сунув под нос проводнице билеты мы пролезли в вроде бы наш вагон. Спустя пару минут мы наконец-то разместились в купе. Поезд дал гудок и потихоньку поехал. Хоть мы и были уже достаточно сыты-пьяны, но подчиняясь «рефлексу дороги» Наталья по обычаю разложила на столике еду и коньяк, из того что осталось недоеденным и недопитым в ресторане. Мы уже приступили к трапезе как наша проводница-сова постучала в купе. Она зашла, опять проверила билеты и паспорта, спросила как жизнь в Греции и Канаде и не дожидаясь ответа резко загоготала, а потом вдруг мягко и заискивающе попросила:

- Хай боец (эй ребята), возьмите в купе двух женщин. Они бедные крестьянки, денег на билет нет, а ехать в Кишинёв надо.

Сказать что мы обалдели, значит не сказать ничего. Поначалу мы даже не поняли о чём она просит. Ведь нас четверо взрослых на четыре места. Куда нам ещё втиснуть двух бедных крестьянок? Багажные полки и те забиты чемоданами. И тогда нас прорвало:

- Да что тут вообще происходит? Где первый вагон? Где начальник поезда? И т.д. и т.п. Проводница уже была не рада, что завела с нами этот разговор, но нас уже было не остановить.

Мы сначала добили остатки коньяка, а потом принялись её третировать. Сергей начал требовать белоснежное и глаженное постельное бельё, взамен того что нам выдали. А на слабые возражения проводницы, что мол другого у них нет, заявил, что он сейчас пойдёт к начальнику поезда и попросит того проверить у всех ли здесь есть билеты. Потом он заявил, что хочет чай с сахаром и обязательно в мельхиоровых подстаканниках. А вернувшись из туалета стал кричать на весь вагон, что там срач, нет бумаги и мыла и ему нужен начальник поезда, чтобы тот ему ответил, почему в международном вагоне такой бардак и кому они продали первый вагон.

Проводница шныряла по вагону, пытаясь скрыться от его взгляда, при этом почему-то называя его «греком-киприотом». Когда ей надо было пройти через тамбур, она каждый раз спрашивала у пассажиров не курит ли там «киприот».

А вот когда мы подъехали к какой-то станции близ границы, где меняют колесные пары с европейского узкоколейного стандарта на ширококолейный советский, пришло моё время буйствовать. Я порывался на улицу, чтобы понаблюдать как происходит это волшебство. Я орал, что это мне жизненно необходимо, что это мечта всей моей жизни и что если меня не пустят, то я позову «киприота».

- Всё что угодно, только не это, - взмолилась проводница и открыла для меня закрытый для всех тамбур, откуда я мог в подробностях наблюдать все технические моменты замены колёс.

После границы мы уgomонились и уставшие ненадолго уснули. Утром наш поезд благополучно прибыл на вокзал Кишинёва. Помятые бурной ночью, мы протёрли глаза и вывалили на перрон родного города.

- Смотри, - сказал Сергей. Навстречу нам, раскинув в стороны свои руки, бежала наша мама, за которой, улыбаясь, шёл отец.

А 31 декабря мы отправились в загородную резиденцию семейства Илиади, посёлок-герой «Иванча». По приезду, после осмотра владений, мы сначала подняли под купол дома флаг Греции и приняли в гоpлиты (древнегреческие рыцари) моего сына - Константина IV, надев на него китель от моей армейской парадной формы. Потом, вдоволь отведав папиного и маминогo вина и закусив соленьями из дачного подвала, Сергей стал учить нас танцевать «Зорбу». В город мы вернулись прямо перед встречей «Нового года», и будучи умотанными в хлам, еле-еле дотянули до 12 часов, чтобы чокнутся фужерами с шампанским и поздравить друг друга с праздником. В 10 минут первого мы уже в полном бесчувствии сладко сопели.

Это был последний новый год, который мы встретили всей семьёй вместе. Все ещё были живы и здоровы, полны сил, планов и надежд.

(20). Жизнь в Греции понемногу начала входить своё нормальное русло. Сергей устроился в фирму, которая перевозила греческих дипломатов и военных. Он постоянно находился в разъездах по всем городам Европы. Стал нормально зарабатывать. Они даже оформили кредит на квартиру. И всё бы ничего, но 2008 году в Греции грянул

сильнейший кризис. Работы постепенно становилось всё меньше и меньше, а когда через пару лет она практически пропала совсем, Сергей позвонил мне:

- Костя, я хочу приехать к тебе в Канаду.

- Отлично! Давай приезжай. Погуляем. Только лучше летом или ранней осенью, в остальное время здесь мрак.

- Нет, ты не понял. Я хочу насовсем или по крайней мере на длительный срок.

- А что произошло? - забеспокоился я.

- Да ничего особенного, если не считать, что работы пятый месяц почти никакой нет.

- Ну так, а здесь что? Приехать-то ты можешь сюда без проблем, а вот остаться на долго, да ещё и работать, это навряд ли получится. Надо иммигрировать. Но здесь бальная система иммиграции, а без высшего образования необходимых баллов не набрать.

- Так что, значит никак? – с грустью спросил брат.

- Ну дай мне недельку, попробую что-то разведать.

Я поспрашивал своих товарищей-приятелей, порылся в русских газетах и интернет-форумах и как будто, нащупал вариант. Сергею надо будет приехать сюда просто в гости. Потом пойти на учебу в автошколу, которая готовит водителей-дальнобойщиков. Во время учёбы школа напишет прошение в министерство по иммиграции, чтобы ему продлили визу. По окончании школы, он должен будет сдать на местные права дальнобойщика и практический экзамен по вождению. После чего, надо будет заплатить взятку, чтобы ему предоставили приглашение на работу водителем в одну из северных провинций Канады. С таким приглашением он может подать на получение трудовой визы длительностью года на два. В течении этих двух лет ему надо будет подать документы на иммиграцию в Канаду, в ту же северную провинцию. Обычно, людям кто там работает, выдают вид на жительство, так как жить там не легко и народу не хватает.

Я позвонил директору автошколы, мы с ним встретились и обо всём поговорили. В общем-то план действий был составлен. Я позвонил Сергею и всё ему рассказал.

- План должен сработать. Я поговорил даже с ребятами, которые его уже реализовали. Так что это не кидалово. Но для того чтобы всё прошло быстро и гладко тебе надо привезти с собой примерно десять тысяч долларов.

- Отлично, я готов ехать, - ответил воодушевлённый новостями брат.

- Ну раз так, то я тебя жду.

Спустя некоторое время я уже встречал брата в аэропорту. Он довольно легко прошёл паспортный и иммиграционный контроль, хотя не знал ни одного слова по английской. Мы встретились, обнялись. Потом он глянул на свои часы и с удивлением сказал:

- Что-то я не понял. У меня почему-то часы остановились, - и он как-то с испугом посмотрел на меня.

- Ой, нашёл проблему. Поменяешь батарейку. Делов-то, - не понял я его беспокойства.

- Это особые часы, они сами заводятся. Их носят натовские лётчики.

- Как это? – не понял я.

- Ну у них пружина заводного барабана заряжается от вращающегося ротора, а не ручного подзавода. Этот ротор приходит в движение при любом изменении положения руки. Ты ходишь, а они заводятся.

- Так ты же просидел в самолёте часов десять, вот они и остановились, - пытался я успокоить брата.

- Перед полётом автозавод был полный. Вон видишь индикатор, - он сунул мне под нос свои чудо-часы. - Кроме того у них есть и батарейка, которая рассчитана лет на десять.

- Значит батарейка села, автозавод уснул, - чего ты паришься с такой ерундой.

- Да батарейку я недавно новую поставил, - не унимался брат. - Это какой-то знак. И знак совсем не хороший.

- Чего ты морочишь себе голову. - Может ты ещё в заговоры и колдовство веришь? - недоумевал в свою очередь я. - Втюрили тебе китайскую фигню, а ты переживаешь.

- Да нет, они не китайские, - задумчиво ответил он.

Жить ему оставалось чуть больше десяти лет.

(21). Первым потрясением было то, что вместо рассчитанных нами десяти тысяч баксов Сергей приехал с шестьюстами.

- И чего теперь делать? Только обучение в автошколе стоит около 2500, потом надо где-то жить, что-то есть. Приглашение на работу 3-4 тысячи, визы, документы..., - сокрушался я.

- Рыжий, если бы у меня было 10 штук, я бы полгода и в Греции прожил бы нормально. А я последние 3-4 месяца почти нифига не получал. Наскребли 600 баксов и я поехал. Плюс билет, плюс что-то семье оставить надо было.

- Ладно, что-нибудь придумаем. Жить поначалу будешь у нас, деньги на автошколу я тебе одолжу. С учёбой затягивать не надо, от этого всё остальное зависит. Ну и надо будет где-то искать работу, по-чёрному.

Порыскав по русским газетам, мы нашли объявление о вакансии в какой-то пекарне, для работы на конвейере по производству печенья. Проработал он там не так чтобы долго - ровно один день. Вечером он пришёл домой с распухшими ногами и сказал, что духу его там больше не будет. Целый день на ногах стоять в одном положении, перерыв 5 минут раз в три часа, на обед полчаса. От конвейера во время работы отходить нельзя.

- Слушай! А чего выдумывать-то? - Ты работал в Греции на перевозке, так и здесь надо искать что-то подобное, - предложил ему я. - И опыт есть и тебе привычно, да и намного больше платят. В пекарне 11 баксов в час, а тут вроде как с 20 предлагают.

- Без документов навряд ли возьмут, - засомневался Сергей.

- А ты пойдй и поговори с ними. Покажи им как ты умеешь упаковывать, продай талант. Да и водить грузовик ты можешь. У тебя уже есть на это соответствующие права.

Следующим вечером Сергей вернулся домой довольный. Сказал, что взяли его сразу после того, как он на спор упаковал какие-то стёкла и швырнул их об угол дома. А когда народ развернул сверток, то оказалось, что ни одно из них даже не треснуло. Проработал он там долго, около полутора лет. Неплохо зарабатывал. На фирме ему доверили грузовик. Снял себе жильё и купил машину, закончил обучение и приготовился сдавать экзамен на вождение трака (фуры).

(22). В день экзамена, пацаны, с которыми Сергей учился и должен был сдавать тест, кучковались на просторной экзаменационной площадке, на которой стояла фура из автошколы. Подошёл инструктор и принёс список, кто за кем сдаёт.

- Ну что мандражируешь? – спросил я брата.

- Да за вождение я совершенно не беспокоюсь. А вот с предрейсовой проверкой грузовика и его воздушно-тормозной системы может не получиться.

- Что не хватило времени выучить? - раздраженно спросил я.

- Да не в этом дело. Так то я всё знаю, но во время проверки я должен экзаменатору рассказывать всё что я делаю. Комментировать каждое своё действие. И рассказывать я должен на английском, в котором я пока ещё ни бум-бум.

Я глянул на экзаменатора, который как-раз сейчас наблюдал, как какой-то товарищ Сергея производил такую проверку. Экзаменатор стоял, и как мне показалось, без особого внимания слушал потуги претендента на права выдать свои знания на английском языке.

- Сергей, ты какой по счёту сдаёшь?

- Да где-то в конце.

- Отлично. Слушай меня внимательно. Судя по всему, к тому времени, как ты будешь сдавать тест, этот экзаменатор будет от вашего английского уже в предобморочном состоянии. Так вот, твоя задача не добить его знаниями языка и

особенностями своего ливерпульского акцента, а как-раз наоборот, дай ему отдохнуть от изысков вашей фонетики. Запомни несколько слов: нэкт (next), что означает «следующее»; чек (check), как чек на покупку, что означает «проверить»; ну и энд (and), в смысле «и». Пока вроде не сложно?

- Да вроде нет, - Сергей нахмурился, видимо пытаясь запомнить слова.

- Итак, когда будешь ходить вокруг машины бормочи себе под нос всё что хочешь.

- На русском?

- На русском, на греческом, да хоть матерись на румынском. Это не важно. Просто уверено и без остановки бормочи чего-нибудь. И всё. Но иногда поднимай палец вверх и громко, чётко произноси «энд». Когда будешь бегать от одного колеса к другому и вообще переходить от одного агрегата или системы к другой – ори «нэкт». Периодически также кричи «чек», а в конце всего скажи финиш, как и по-русски.

Вот подошла очередь Сергея и он направился к фуре сдавать экзамен. Пацаны всё также кучковались и курили. Кто-то уже сдал, кому-то ещё предстояло. Они переговаривались, делились впечатлениями, переживали за результат. Вдруг один из них сказал:

- Смотрите-ка, как наш грек шпарит. А говорил, что ни слова по-английски не знает. Дурил нас.

Я с гордостью смотрел как брат бежит вокруг машины и втирает экзаменатору какую-то захватывающую историю, а пацаны с изумлением смотрят на него. Интересно, что он там болтал? Я так и забыл его тогда спросить, но экзамен он сдал.

Вообще у него с языком были очень прикольные ситуации. Однажды на трассе у него пробилось колесо. Он позвонил в техподдержку и попытался им объяснить, что произошло. По-английски шина звучит tire (тайер). Он то ли перепутал, то ли диспетчеру показалось, что он кричит fire (фаиер) что означает огонь. Но через пять минут появились полицейские машины и перекрыли четырёхполосную автостраду в оба направления. Ещё через пару минут прикатили пожарные и скорая помощь, а потом и техподдержка.

Образовалась огромная пробка. Его увели от грузовика и стали проверять машину, а когда убедились, что пожара нет спросили, что же произошло. Он подвел возбужденных спасателей к пробитому колесу и пнул его ногой. Они долго ржали, но предупредили, что в следующий раз ему придётся заплатить за ложный вызов до 5000 баксов.

Так как у него все рейсы постоянно были в штаты, то ему каждый раз приходилось проходить погранконтроль и таможню. Обычно эта процедура происходит так: водитель подъезжает к окошку передаёт офицеру документы. В это время сканеры просвечивают груз. Офицер спрашивает нет ли чего запрещённого, после чего ставит отметки, отдаёт бумаги и пропускает фуру. Сергей выучил, что если услышит слова алкоголь, оружие, наркотики и табак надо отрицательно махать головой и кричать «по, по, по». На все остальные вопросы кивать головой и отвечать «yes, yes, yes». В подавляющем количестве случаев это срабатывало. Но однажды какой-то дотошный таможенник решил его расспросить о чем-то поподробнее или, ну например, просто захотел поболтать. И тут, судя по всему, Сергей стал слишком невпопад махать и кивать головой, что вызвало у таможенника подозрение и он стал допрашивать его уже с пристрастием. В конце концов таможенник понял, что он ни в зуб ногой в английском и повёл его в специальную комнату на языковой тест. Минут через десять в комнату вошла молодая девушка в форме и стала предъявлять ему бумажные листки с изображением каких-то предметов, еды, животных и т.д. В большинстве своём Сергей называл всё неправильно, но иногда ему везло. Например banana-банан, lemon-лимон, avocados-авокадо, goose-гусь, penguin-пингвин, crocodile-крокодил, giraffe-жираф и т.д. В результате девушка сжалась, поставила ему зачёт и его пропустили.

Со временем Сергей конечно освоил язык на том уровне, на котором чувствовал себя более-менее комфортно. Мне даже было немного удивительно, с какой лёгкостью он начал брать рейсы в Техас. Язык, на котором там говорит народ обусловлен довольно таки специфическим произношением многих слов. Иногда у самих американцев понимание, что говорят техасцы, вызывает трудность.

(23). Так уж в жизни происходит, что старший брат, также как и отец, часто становится для младшего образцом для подражания в жизни. Младшие братья стараются копировать жесты, привычки и даже предпочтения старшего. Помню, как в детстве он смотрел на то, что я ем, и просил ему дать того же самого.

- Сё Фося кусает (что Костя кушает)? Бошь (борщ)? Талозе (Серёже) тоже надо.

Мало того что он донашивал какие-то мои вещи, так он ещё и дослушивал мои кассеты и мои музыкальные предпочтения становились его.

Уже будучи в Канаде, мы пошли как-то с ним в торговый центр. Зайдя в него мы разбрелись по разным отделам. Я сначала прошелся по тому, где на вешалках в ряд висели мужские рубашки. Выбрав из них одну, которая мне приглянулась, я перешёл в другой отдел и там встретился с Сергеем. Он увидел рубашку в моей тележке и спросил где висят рубашки. Через пять минут он появился точно с такой же рубашкой какую выбрал я.

- Сергей, из сотни рубашек ты выбрал себе такую же. Там что других не было?

- Ну ты же себе выбрал эту?

- Ну и?

- Ну значит она хорошая. Чего мне заморачиваться.

- Успокойся. - Талозе тоже надо, - сказала Наташа, защищая выбор Сергея.

Ну ладно с рубашками, но с машинами ведь та же история. А в них то он разбирался уж точно получше меня. Месяца через три-четыре, после его приезда в Канаду, он, живя уже отдельно, позвонил мне и попросил поехать с ним в какой-то пригород. Он выбрал себе машину и решил её купить. Когда мы приехали к хозяину и я увидел о чём идёт речь, то просто обомлел. Он выбрал не только ту же модель, но и такой же цвет.

Спустя какое-то время я поменял свою машину и купил Бьюик. В это время Сергей был проездом в Торонто и я заехал к нему на фирму, чтобы с ним встретиться и показать новую машину. Он осмотрел её, открыл капот, затем сел за руль и проехался вокруг стоянки. Потом стал задавать кучу всяких специфичных вопросов.

- Сергей, ты же знаешь я небольшой спец во всём этом. Я перепробовал три-четыре разные модели: и акуру и тойоту и ниссан, но по тому как плавно двигается по шоссе, выбрал эту модель бьюика. Для меня это был главный критерий.

И вот пришло время менять машину ему. Он дня два сидел на компьютере, смотрел разные сайты авто продавцов, выписывал какие-то характеристики, всё время что-то сравнивал. Наконец на третий день поисков он спросил:

- Наташа, а как бьюик пишется по-английски?

Мы упали под стол.

- Сергей, ты хоть цвет только не темно синий ищи. Ладно?

В конце концов он выбрал темно серый бьюик той же модели, что и у меня.

(24). Закончив автошколу, Сергей с первого раза сдал на права на вождение фуры. Потом, с целью уже трудоустройства, он пытался сдать тест по вождению в разных транспортных фирмах, но почему-то безуспешно. В конце концов он собрал весь свой скарб, забив до верху семиместный минивэн, и отправился на северо-восток попытать счастья в провинции Нью-Брансуик.

Там его приняли в одну компанию на место водителя-стажёра и он несколько месяцев проездил с инструктором. После стажировки компания дала ему приглашение на работу, и он, получив трудовую визу, стал работать уже легально. Его перевели на должность водителя компании и доверили уже ездить с напарниками, не только по Канаде, но уже и в Соединённые Штаты. Время от времени, когда он проезжал Торонто, я приезжал на стоянку грузовиков его фирмы, чтобы повидаться с ним. Наташа, в такие моменты, всегда старалась ему передать какую-то домашнюю еду. А если у него выпадали короткие дни отдыха и их получалось проводить в Торонто, то мы обязательно отправлялись с ним на рыбалку. Накануне он мне звонил по телефону и сообщал, что приезжает. Интересно, что когда ему от меня ничего не надо было, он начинал разговор так:

- Рыжий, здорово. Буду у вас пятницу. Везу «Метаксу» (греческий бренди) и арбуз из Вирджинии. Что будешь готовить?

Пару раз в месяц я изображал из себя шеф-повара. Находил в интернете или в каком-нибудь журнале привлекательный рецепт (ну например, «говядина по-бургундски», «венгерский гуляш», «ферганский плов», или «чахохбили»), одевал передник и строил семью мне помогать. Жена и сын чего-то там чистили, резали, а я с важным видом знатока руководил процессом. Сергей после таких застолий, часто потом звонил маме и рассказывал как ему понравилось блюдо. Правда мне он своих восторгов практически не высказывал. Чтоб не зазнался, наверное.

А вот если он звонил и разговор начинал так:

- Фося, привет..., - то я уже знал, ему что-то от меня надо.

Так незаметно прошло несколько лет. За свою работу на канадскую компанию он получил основание для иммиграции в Канаду. Тогда мы собрали и оформили все необходимые документы и подали на получение статуса постоянного резидента. Через положенное время он и его семья получили долгожданный статус. Сергей переехал в Торонто и устроился уже в местную компанию. Встретил жену и сына из Греции, снял жильё и всё казалось идёт хорошо. Жизнь прекрасна и радостна.

С товарищами по команде.

В Нью Брансуике

Два брата - акробата.

Добыча с тихой охоты.

(25). Это последняя глава, и в отличии от предыдущих, очень тяжелая для чтения. Здесь я опишу болезнь брата и конец его жизни. Может не всем и надо это читать. Подумайте сначала.

Кто-нибудь из вас знает, что такое ужас? Не тот ужас, который вонзается в голову тысячами острых иголок и проходит, словно удар током, сквозь всё тело до самых кончиков пальцев. Не тот ледящий ужас, который лишает вас на несколько мгновений способности двигаться или даже дышать, но, как правило, скоротечный, не успевающий даже полностью дойти до вашего сознания. А тот, который медленно заползает вам в

душу, выворачивая её наизнанку. Поначалу он блуждает, он мечется в вашем теле и в конце концов, проникает в ваш разум, поселяясь там надолго. Сперва он просто назойливо тлеет там небольшим угольком, доставляя вам постоянный дискомфорт. Вы пытаетесь избавиться от него, как-то отвлечься, забыться, отстраниться. Но все ваши попытки тщетны. В ответ на них, уголёк только разгорается сильнее. Он уже не тлеет, он уже пылает, выжигая ваш разум. Вы всё сильнее и сильнее устаёте от безысходности и постепенно смиряетесь с этим огнём. Вы начинаете принимать его существование уже как должное. Вы уже сдались. Вы потеряли веру. Уже умерла надежда. Вы уже выучили свою беспомощность. Но ужас не унимается, он продолжает вас терзать. Он настойчиво повторяет вам: «будет только хуже; знай, с каждым днём будет всё хуже и хуже». И вы начинаете ждать этого хуже. Вы уже обречены.

Где-то в начале июня 2019 Сергей позвонил мне откуда-то из Аризоны, куда он отправился в рейс.

- Костя, что-то со мной не так. Зашёл в склад-павильон, чтобы оформить документы, и чуть сознание не потерял. Голова закружилась, сердце бешено заколотилось, липкий пот. Сейчас вроде отошло, но испугался я здорово.

- Ты спал нормально? Что ел? Что пил? - забросал я его вопросами.

- Да с этим всё нормально. Может из-за перепада температур. На улице почти под пятьдесят, а внутри павильона около 14. Здесь фрукты и овощи хранят до отправки в рефрижераторах, - пояснил он.

- По симптомам похоже на гипертонический криз.

- А что это?

- Резкий скачок давления. Это первый раз?

- Впервые. Сто раз заходил сюда раньше, а жара на улице здесь всегда такая.

- А сейчас ты как? - поинтересовался я.

- Сейчас уже всё нормально.

- Ладно, приедешь надо будет анализ крови сдать, кардиограмму и стресс-тест на сердце сделать.

Не помню чтобы Сергей когда-то жаловался на здоровье. Он был довольно высокого роста (около 185 см), и мощного телосложения (под 100 кг). Ручища у него была - будь здоров! Сжимал ею как клещами. Он был достаточно вынослив и крепок. За неделю до этого случая мы с ним гоняли в футбол около часа. Поэтому я поначалу даже не сильно насторожился. Тем не менее, спустя какое-то время я позвонил и спросил, сдал ли он анализ и тесты.

- Ещё одна двухнедельная ходка и пойду сдавать. Представляешь, мне последнюю выплату по кредиту за грузовик надо сделать, а потом «гуляй рванина!». - Буду работать только на свой карман, - весело ответил он.

- Ну а как ты себя чувствуешь?

- Да вроде нормально. Правда последний раз, когда я долго гулял с собакой какая-то отдышка появилась.

- Давай брат, не затягивай с этим. Все результаты анализов сразу мне переправь.

- Хорошо.

Следующий раз, когда я позвонил ему и поинтересовался как дела, он опять стал обещать, что по приезду сразу пойдёт и запишется к врачу. Ему очень хотелось сделать хоть один рейс, но уже полностью только себе на карман.

Потом я с женой уехал на короткий отдых. У нас уже лет двадцать как вошло в традицию, что на её день рождения, 16 февраля, мы летим отдыхать куда-нибудь на юг, к океану, под пальмы. А на мой день рождения, в августе, мы обычно снимаем в какой-то глухомани избушку. Где нет ни телефонной связи, ни интернета.

И вот, возвращаясь из коттеджа и въехав в зону приёма телефона, я обнаружил около 10 пропущенных вызовов от Сергея. Я заволновался, причем совсем не из-за него. «Если он звонит, значит с ним всё в порядке, - рассуждал я». Мы остановились и я набрал его номер. Сергей был недоступен. Пока мы возвращались, Наталья постоянно набирала

его номер, однако он продолжал оставаться недоступным. Тогда она позвонила нам домой, переговорила с сыном и убедилась, что с ним всё в порядке.

- Вам только Серёжа звонил много раз, - сказал он.

Мы приехали домой и мне наконец удалось с ним связаться. Он в это время был в очередном рейсе и сообщил, что был у врача, сдал тесты, по результатам которых у него диагностировали: (он нашёл бумажку на котором был написан диагноз) «амилоидоз сердца».

- Костя, я посмотрел в интернете. Там пишут, что с такой болезнью живут пять-шесть месяцев. Это правда?

- Что за ерунда, - сказал я, а у самого потемнело в глазах. Что за тесты ты делал?

- Я сделал кардиограмму. Они посмотрели на результат и все забегали вокруг. Заставили меня ходить по беговой дорожке. Я прошёл всего метров двести и стал задыхаться. Тогда они срочно потащили меня на УЗИ сердца, после чего и поставили этот диагноз. Что это за гадость такая? Откуда она у меня? Я пытался почитать про это в интернете, но там всё так сложно и запутанно. Звоню тебе, а ты недоступен. Что мне делать?

- Серёжа, не паникуй пожалуйста. Я прочитаю о том, что это такое и потом перезвоню тебе.

Я отсоединился. У меня закружилась голова, подступила тошнота. Я никак не мог сосредоточиться. Как они могут по УЗИ делать такие заключения. Что за сердечный амилоидоз такой?! Я хотя и сам занимаюсь амилоидозом мозга, тем, который вызывает болезнь Альцгеймера, но никогда не слышал про сердечный. Я заставил себя собраться и погрузился в компьютер.

По мере того, как я анализировал полученную информацию, меня кидало то в жар, то в холод. Одно было ясно, что дела очень плохи. Но насколько плохи - могли ответить только специальные дополнительные анализы. В большинстве медицинских руководств говорилось, что окончательное подтверждение этого диагноза можно поставить только после результатов биопсии, потому что симптомы амилоидоза очень

сильно совпадают с сердечной недостаточностью. Я бросился к телефону и позвонил брату.

- У тебя биопсию брали? - проорал я вопрос в трубку.

- А что это такое?

- Ну кусок тела отрывали откуда-нибудь?

- Нет. Мне вообще, кроме того, что я тебе рассказал, ничего не делали. Так, что это у меня? Я скоро умру?

- Серёжа, надо во всём досконально разобраться. Насколько я понял, такой диагноз по УЗИ не ставят. Надо обязательно сделать биопсию. Амилоидозов разных много, последствия у всех разные. Давай прежде, чем думать или говорить о чем-то, сделаем полную диагностику.

Я говорил это, но сам понимал, что в Канаде врачи без основания такие вещи не говорят. Для них дать безосновательно ложный смертельный диагноз - это большой риск. Риск, который может им обернуться сотнями, или даже миллионами долларов. С другой стороны мед. руководства... и биопсия, как золотой стандарт диагностики при амилоидозе.

- Что они тебе сказали делать? – пытаюсь придать своему голосу спокойную деловитость, спросил я.

- Выписали направление на МРТ на февраль.

- Что!!!??? Это же ещё через шесть месяцев. Ерунда какая-то. Ты когда будешь дома?

- Я приезжаю прямо перед отъездом в отпуск, - сказал брат. Приеду с рейса и на второй день лечу в Афины, а потом в Кишинёв.

У нашей сестры в тот год, в августе, был юбилей и мы решили собраться всей семьёй вместе в Кишинёве.

- Ладно. Как только вернёмся, придёшь ко мне на работу, и я поведу тебя в центральную больницу. Там тебя положат и проведут полное обследование. Тогда и будем думать.

И он полетел в отпуск. У него случился инфаркт в самолёте. Потом была невыносимая им жара в Афинах. Потом Кишинёв. Острый приступ болезни у отца и его операция в день празднования юбилея сестры. После операции хирург сказал, что у отца четвёртая стадия рака с метастазами во все органы. Что жить ему осталось примерно полгода.

- Одному дают полгода, другому полгода. - Что происходит? - я с трудом пытался сориентироваться во времени и пространстве.

В Кишинёве, я решил проконсультировать Сергея у кардиолога. Связался со своими знакомыми, узнал кто на сегодня в Кишинёве самый лучший кардиолог. Заплатили за консультацию и записались к нему на срочный приём. Светило посмотрел на кардиограмму и сказал:

- Да уж, дела у вас плохи. Сердце не в порядке. Инфаркт на лицо. Курите наверное, кофе тонами, двигаетесь мало? Так?

- Доктор, с сердцем мы разберёмся, пересадку сделаем если надо, - уверенно заверил его я.

- Да? А кто вы такой?

- Это не важно. - А вот что нам сейчас важно: вы можете биопсию сделать на сердечный амилоидоз? – я пристально посмотрел ему в глаза.

- На сердечный чего? – нахмурило лоб светило.

- На амилоидоз. Там всё просто. Берёте кусочек жировой ткани на стеклышко и красите «Конго красным», потом смотрите в простой световой микроскоп есть жёлтые бляшки или нет.

Говоря всё это, я одновременно читал в глазах светила, что ни про амилоидоз, ни про биопсию и окраску с тем реактивом, он ровным счётом ничего не знает.

- Ну знаете, это не всё так просто. Ему надо лечь в стационар, понаблюдаться. Я могу помочь с больницей.

- Понятно. Мы развернулись и ушли.

По возвращению в Торонто, Сергей принёс мне все бумаги, которые ему выдали врачи делавшие УЗИ. Я внимательно прочитал врачебный отчёт и понял, что составлен он четко, грамотно и совсем не бездоказательно.

Но я искал соломинку.

- Нужна биопсия. Без биопсии всё это не окончательно, - я убеждал себя и брата в однозначной правоте медицинского диагностического руководства. Взяв с собой все его медицинские бумаги мы пошли в отделение скорой помощи при центральной больнице.

- Я буду им говорить, что с тобой происходит. Может даже намного более страшно, чем есть на самом деле. Не волнуйся, а просто кивай головой и соглашайся. Цель у нас одна: они не должны от тебя отмахнуться и перевести всё в формалистику. Они должны тебя положить в больницу и сделать полную диагностику, чтобы у нас была однозначная картина того, что с тобой происходит.

- Говори, что хочешь. - Я всё равно ничего в этом не понимаю, - успокаивал меня брат.

Но много придумывать мне не пришлось. Врачи после первых же рутинных анализов и кардиограммы оформили Сергея в стационар отделения кардиологии.

На следующий день я пришел в больницу и познакомился с врачом, который ведёт Сергея. Мы переговорили и он понял, что я в какой-то степени, почти его коллега. Он обещал информировать меня обо всём, что происходит, и что им надо несколько дней для того, чтобы выяснить полную картину происходящего.

Я к этому времени уже начитался литературы, касательно «сердечного амилоидоза», и стал разбираться в этой болезни досконально. Я узнал, что существуют четыре вида амилоидоза и что среди них есть один особо опасный, неизлечимый. Что это заболевание, характеризуется отложением между клетками сердечных мышц нерастворимого белка-амилоида, который как-бы цементирует сердце, постепенно

ухудшая его сокращения. Белок этот производится определёнными клетками крови, которые отвечают в организме за иммунитет. Что накопление этого белка в сердечных мышцах идёт очень быстро. И что трансплантация (пересадка) сердца в таких случаях неэффективна, т.к. пересаженное сердце также будет потом цементироваться. Поэтому, сначала с помощью химиотерапии надо будет убить все те клетки крови, которые производят этот дефективный белок-амилоид. Потом, с помощью технологии стволовых клеток, провести пересадку костного мозга, который будет продуцировать уже нормальные клетки крови, непроизводящие дефектный белок. Я узнал также, что заболевание это очень редкое, встречающееся всего у десяти из миллиона людей. И что причины возникновения этой болезни пока не известны. Считается, что происходит спонтанный (т.е. ничем немотивированный) генетический сбой в определённых иммунных клетках, которые из-за сбоя и начинают производить эту гадость. И что в 10-15% случаях эти клетки становятся ещё и раковыми. Таким образом, в ещё более редких случаях эти две болезни: сердечный амилоидоз и рак крови (множественная миелома) протекают совместно.

У Сергея целыми днями брали кучу разных анализов. Вытянули литры крови, сделали биопсию костного мозга и рентген всего скелета. Повторное УЗИ и эхограмму, МРТ и компьютерную диагностику сердца. Через артерию в бедре ввели зонд с камерой, который просунули прямо в сердце. Терзали его по полной программе, но он мужественно переносил всё процедуры. Лишь только бросал на меня печальные взгляды.

- Держись брат, ещё не вечер. - Мы ещё похулиганим, - заверял его я, глотая слёзы.

И вот наступил тот момент, когда вся картина его болезни стала полностью ясная. Одна из докторов, работающих в команде медиков, которые занимались Сергеем, показалась возле его палаты, видимо намереваясь зайти и сообщить нам результаты исследований. Она знала, как я ожидал результата биопсии и как надеялся, что он не подтвердит десятки других тестов, явно указывающих на самый неблагоприятный диагноз. По её выражению лица я понял, что моя надежда должна погибнуть.

Я перехватил её у входа, отвёл в сторону и попросил:

- Пожалуйста, расскажите мне обо всём, а я подумаю о том как это сообщить брату.

- У вашего брата подтверждён диагноз - амилоидоз сердца. И к сожалению AL-типа, в сопровождении с миеломой. Прогноз неблагоприятный. Статистика говорит, что без лечения смерть наступит примерно через пять-шесть месяцев, с лечением он может прожить до года.

По какой-то злой иронии, доктора звали Надя. Вот так Надежда убила нашу «надежду».

Она что-то ещё продолжала говорить, но я уже её почти не слышал. Какая-то ярость захватила меня. Хотелось её придушить и крушить всё вокруг. Но через минуту-другую вдруг налетела слабость. В лёгких не хватало воздуха, а вздохнуть не было силы. В голове вообще творилась полная вакханалия: то мелькали лица родных и знакомых, то какие-то образы людей давно забытых, то какие-то отрывки мелодий.

Доктор увидела моё состояние, принесла стакан воды и сказала, что надо установить время чтобы всем собраться вместе и поговорить о том, что будет дальше.

А что дальше? Дальше только то, что он скоро умрёт. Хотя по тем ощущениям, которые я пережил в тот момент, много позже я понял, что эмоционально, первый раз для меня он умер именно тогда. Дело в том, что вскоре мне опять пришлось пережить подобные чувства. Когда я внезапно потерял самого близкого мне человека, так вот эти чувства были такие же: агрессия, злость, истощение, опустошение и беспомощность.

Какая же у него злая судьба! Заболеть такой редкой болезнью. Заболеть именно той формой, которая самая тяжелая, и вместе с этим ещё и попасть в десять процентов тех, у кого она сопровождается раком крови. От всего этого у меня ходила кругом голова, но самое главное я никак не мог себя настроить на то, чтобы сказать всё это брату.

И тогда я решил. Его надежда не должна умереть. Я знаю как он хочет жить, как он любит жизнь. Я знаю, что он выберет борьбу. Я буду его поддерживать в его борьбе. Это было одно из самых тяжелых моих решений в жизни. И я до сих пор не знаю, правильно ли я поступил. Вы не представляете, как мне хотелось переложить

ответственность на кого-то. Чтобы не я решал, знать ему всю правду или нет. Но с другой стороны, я был полностью уверен в том, что чтобы ему не сказали, он будет верить только тому, что говорю ему я.

Я, как мне показалось, успокоился, собрался и зашёл к нему в палату. Но Сергей видимо прочитал в моих глазах и скорбь, и глубокую печаль.

- Что рыжий, плохи мои дела?

- Хорошего мало. Предстоит серьёзное лечение.

И только я собрался ему рассказать, как его будут лечить, в палату зашёл какой-то неизвестный мне доктор со студенткой-практиканткой. Он представился врачом онкологом и спросил у Сергея, достаточно ли он хорошо понимает по-английски. Сергей ответил ему, что говорите мол всё брату, а он мне потом переведёт. Врач поначалу артачился, пытался говорить с Сергеем через переводчика по телефону. Потом правда, увидев карточку работника больницы, которая висела у меня на шее, понемногу смягчился и стал говорить через меня. Он рассказал, что пришёл из онкоцентра, где все занимаются раком. Что он принёс разные брошюры о том, что за заболевание у Сергея и как его будут лечить. Отдав все брошюры и взяв с Сергея подпись на согласие лечится он ушёл.

- Костя, так что у меня рак? – в его глазах сквозила сумятица и тревога. Так как эта болезнь, не нуждается в пояснениях.

- Ну это просто так называется твой амилоидоз. Это сопутствующие болезни, которые лечатся одним способом и чтобы избавиться от амилоидоза надо убить рак и т.д.

Он слушал меня не понимая, а я старался всё больше и больше его запутать. Мне нужно было время, чтобы подготовиться к разговору. Я не собирался скрывать от него ничего про его болезни, кроме того что его ждёт и сколько ему осталось.

В то время реально было невозможно поверить, что он смертельно болен. Он ещё не начал катастрофически быстро худеть. У него был нормальный аппетит, он ещё спокойно ходил, правда стал довольно быстро уставал и часто появлялась отдышка.

Первым потрясением для него было то, что ему сообщили, что он больше не сможет работать водителем никогда. В одночасье рухнули все его планы на будущее. Он ведь только-только стал прилично зарабатывать, выплатил кредит по грузовику. Какие были мечты, сколько было планов и надежд. А теперь он инвалид навсегда, с шестьюстами долларами в месяц по пособию. Несмотря ни на что, он удивительно стойко пережил это сообщение. Я понял, он будет бороться за жизнь, какой-бы тяжёлой она не будет. И в тот момент я окончательно решил, что я буду врать ему о его болезни до последней минуты его жизни.

В голове не укладывается сколько же у него было силы духа. Откуда он черпал эту силу. У него не было никакой истерики и паники. Только в глазах его поселились тоска и печаль, поселились и больше не покидали их никогда.

Сергей не сломился. Он начал бороться. Начались жесточайшие еженедельные процедуры химиотерапии. Он чувствовал себя более менее сносно только за день до процедуры, во все остальные дни были страшные мучения от побочных эффектов.

Мы зарегистрировали его на интернет-сайте больницы и по несколько раз в день просматривали все результаты его анализов и тестов.

Я помню тот день когда он закончил первый курс химии. Это было спустя месяц, после четырёх подряд еженедельных процедур. Сергея жена привозила его в онкоцентр, где он сначала сдавал кровь, а потом они ждали собственно самой процедуры, которая длилась около часа. В тот день после процедуры ему выписали какие-то таблетки. Так как ходил он уже очень медленно, я побежал вперёд, чтобы заказать ему в аптеке лекарство. Я дождался заказа и пошёл на стоянку машин, где мы должны были встретиться, чтобы отдать его. И вдруг в это время пришло сообщение на интернет, что результат первого курса терапии готов.

- Сергей смотри, - я показал ему экран своего планшета. - За первый курс у тебя на половину снизилось производство амилоида. Значит работает химия.

Мы обнялись и расплакались оба. Сказать по правде, у меня тогда даже возникла мысль: а вдруг получится. Вдруг он будет первым, кто победит эту болезнь. А вдруг чудеса это не ложь.

Но нет, чудес не бывает, а медицина ещё не в состоянии избавить человека от таких болезней. Несмотря на хорошую тенденцию снижения производства амилоида, Сергей на глазах стал чахнуть и слабеть. Всё тяжелее и тяжелее стал переносить химию. Его стали чаще класть в больницу на восстановление. Однажды в больнице он потерял сознание и упал. По тревоге со всей больницы сбежались к нему больше двадцати врачей. Прибыла бригада реаниматологов, но Сергей пришёл в себя сам. Зрелище было ещё то. Однако я четко помню, что у меня тогда не было никакой паники. Я как будто откуда-то знал, это ещё не конец.

Чтобы Сергей не терял надежду на лечение, я начал выискивать всякие задокументированные истории о том, как люди живут по десять лет после пересадки сердца при амилоидозе. Что современная технология с помощью стволовых клеток позволяет контролировать миелому практически на 90%. Одного правда я ему не говорил, что у того кто одновременно страдает от этих двух болезней, шанс прожить больше года практически близок к нулю.

Со временем силы всё больше и больше покидали брата. Он стал стремительно терять вес. Его мышцы заметно дрябли, усыхая. Он стал пользоваться инвалидной коляской и все меньше и меньше передвигаться на своих ногах. Смотреть на это без слёз было практически невозможно.

Где-то в ноябре месяце моя супруга проходила простой плановый медосмотр, на котором у неё выявили подозрительное затемнение в правой груди. Она сдала биопсию и через неделю нам позвонили из онкоцентра, приглашая её на приём. Мы сразу почувствовали, что что-то тут не ладно.

- Если бы ничего не нашли, ограничились бы звонком по телефону, - рассуждала Наташа. Мне нечего было ей возразить. Её доводы были абсолютно разумны.

В назначенное время мы пришли к врачу, где нам сообщили что по результатам биопсии у неё рак груди. К счастью (в то время это казалось к счастью) рак был выявлен на самом начальном этапе и врачи не предсказывали каких-либо сложностей в лечении. Во время обсуждения стратегии её лечения у меня внезапно позвонил телефон. Звонила Серёжина жена и сказала, что Сергей во время посещения кардиолога упал и потерял

сознание. И что его забрали в реанимацию. Моё мышление в тот момент разорвалось на две части, которые работали обособленно. Наташа заметила как метаются мои глаза и сказала:

- Беги к брату. Ты там нужен больше, а я тут сама... Я был в полном недоумении. Злосчастный рак поразил одновременно трёх из самых близких мне людей. Как это понять? Это не укладывается ни в какие понятия случайности. А если это не случайно, то значит целенаправленно.

Я нашёл Сергея в реанимации. Он спал под медикаментами. Врачи сделали рентген всего тела и не обнаружили каких-либо повреждений. На следующий день, когда я пришёл к нему, он сказал что дежурный врач водил к нему группу студентов, о чем-то его расспрашивал и сказал им, что я неадекватен. Это всё, что Сергей понял.

Я попросил медсестру найти мне этого врача. Она его нашла прямо перед тем, как он собирался уходить с дежурства. Я представился и попросил его объяснить, в чем проявляется неадекватность моего брата.

- Вы знаете, он не понимает, что он умирает. Он не понимает, что навряд ли выйдет из реанимации, так как ему осталось 3-5 дней.

- Как 3-5 дней? - меня начала колотить дрожь. Вы что пророк? Я не хочу чтобы вы ему такое говорили.

- Почему? Ведь ему тогда будет легче.

- С чего вы это решили?

- Это не я решил, об этом говорит статистика. - Вы ведь ученный, вы должны это понимать, - он указал своим пальцем на мою больничную карточку.

- Во-первых, я лучше знаю своего брата, и соответственно знаю, надо ему говорить или нет. Во-вторых, если вы верите в науку, то наверняка знаете, что в статистике нет абсолютных цифр, а каждая цифра представляется с допущением, плюс-минус. Так вот, прежде всего вам надо было узнать входит ли мой брат в генеральную выборку тех кто желает знать, что он умирает, а потом уже ему об этом сообщать. Прошу вас впредь эту тему с ним не обсуждать.

Сергей выписался из реанимации и прожил ещё и три и пять и ещё примерно 200 дней.

Почему-то он верил, что он должен поправится к новому году. Я так подозреваю, что к новому году должно было пройти пять месяцев, как ему диагностировали болезнь. А из интернетовской информации он запомнил, что средняя продолжительность жизни с его диагнозом 5-6 месяцев. По видимому поэтому он так верил в этот магический «Новый год!» Я пытался ему возражать и даже строил разные графики, которые предсказывают снижение амилоида. Получалось, что при самых благоприятных обстоятельствах ему ещё надо делать химию до апреля-мая.

Ко всему прочему, случилось так, что именно под новый год он опять попал в больницу. Мы как можно старались отвлечь его в этот день, разогнать тоску и печаль. Наташа принесла какие-то гирлянды и повесила у него в палате. Я сделал ему продолжительный массаж всего тела. Потом мы пошли в комнату отдыха и накрыли стол. Встретили новый год. Я даже в маленькой бутылочке из под газировки принёс немножко шампанского. Но Сергей отказался. Он сказал «я не буду, я же лечусь». Потом мы долго разговаривали и смотрели по компьютеру «новогодний огонёк». Разошлись под утро, он в палату мы домой.

Через двадцать дней умер папа. Я приехал к Сергею домой, сказал, что срочно вылетаю на похороны. Сергей всплакнул и укорил себя за своё бессилие и невозможность попрощаться с отцом.

Шли дни, недели он всё больше и больше слабел. Было невыносимо тяжело наблюдать, как он уходит, как каждый день умирает какой-то кусочек его тела. У него пошли сопутствующие проблемы с почками, с нервами, с кожей и волосами. Тем не менее, когда это было возможно, он продолжал делать химиотерапию и стал как-то приспосабливаться к своему новому статусу - инвалида. Он решил вернуться к своему первому ремеслу – ювелирному делу. Купил инструмент, приборы и материалы. Мы с ним построили ему рабочий уголок. Он даже начал что-то ваять.

Мне было постоянно мучительно больно в те страшные дни, недели месяцы его болезни, когда я узнал, что Сергей обречен на смерть. Я не находил себе места. Я

постоянно сомневался надо ли мне было решать за него. Почему я обрёл его на такие страдания с этой химией. Ведь исход был ясен, а те дни, которые он прожил с лечением приносили ему только боль и страдания. Я постоянно обвинял себя самого в бессилии и неспособности помочь ему. Я ничего не мог поделать. И из-за этого у меня было огромное чувство вины, перекрывающее все остальные эмоции и мысли. Это чувство переливалось через край моего терпения и вопило от предстоящего ужаса.

Пятнадцатого июня Сергея последний раз вывезли из дома. Перед очередной процедурой он опять отключился прямо в больнице. Его перевезли умирать в паллиативную палату. Из-за бушующей эпидемии ковида, прорваться в больницу было очень не просто, даже мне, со своим пропуском. Тем не менее, мне удалось поговорить с врачом, который сообщил, что Сергею остались считанные часы. Тогда в порядке исключения нам разрешили попрощаться с ним и по очереди находиться в палате.

Он лежал на кровати весь обмотанный проводами и датчиками. В него воткнули несколько капельниц, одновременно в обе руки. На горле сделали надрез и через шейную артерию ввели прямо в сердце канюлю с адреналином. От всего этого можно было сойти с ума. К нему невозможно было прикоснуться, так как у него болело всё его брэнное тело.

Тем не менее он был в полном сознании и разуме.

- Костя, спроси у них, когда я смогу встать и пойти домой?

Я переводил врачам вопросы, а они недоумевали:

- Он что не понимает что умирает?

- Скажи ему, что он уже не только не выйдет из этой палаты уже никогда, но и не встанет уже никогда на ноги.

- Серёжа, они сказали, что надо потерпеть, - переводил ему я сквозь слёзы. – Сейчас стабилизируют тебя, потом решат.

Он прожил ещё не считанные часы, а целых пять дней. Он опять обманул смерть и врачей.

Никогда не забуду его взгляды полные надежды и разочарований, когда он наблюдал за тонометром, который каждые полчаса, автоматически измерял ему давление. За минуту до теста он просил с ним не разговаривать, он настраивался на измерение.

- Костя, смотри 43, это на 3 пункта выше, чем предыдущий раз.

Вы представляете себе, что такое верхнее давление 43? Его не хватало не то чтобы на то, чтобы гнать кровь по телу, но даже на то, чтобы просто выталкивать её из сердца. В следующие полчаса 39, потом 41, потом 42, потом 40. И так последние пять дней и ночей у него были разбиты на получасовые интервалы.

На четвертый день ему стало совсем плохо, он орал от боли. При таком диагнозе как у него, нельзя было сочетать морфий, снимающий боль, с лечением. Надо было выбирать что-то одно. Врачи стали вести со мной и его женой беседы. Они убеждали нас, что надо дать ему умереть спокойно, что будет жестоко продлевать искусственно его жизнь. Они просили чтобы я подписал бумаги, не реанимировать его в случае естественной биологической смерти. Опять надо решать неразрешимые вопросы. Ужас, тот самый ужас, который десять месяцев назад маленьким тлеющим угольком пробрался мне в душу, перешёл на своё максимальное горение.

Сергея отключили от всего и вкололи ему морфин. Через минут двадцать его стало трясти, он начал хрипеть. Мы подумали что уже всё. Его жена, сын и я начали рыдать в голос. Я схватил его за руку и стал кричать:

- Сергей, не бойся! Я с тобой! Я всегда буду с тобой! Я спасу тебя от «Баффа». Помнишь, как в детстве!

Вдруг всё прекратилось и он просто уснул. А через пару часов он проснулся и сказал, что не плохо себя чувствует. Я стоял и смотрел на него с открытым ртом. То что мы приняли за агонию, была просто реакция на морфий.

Он попросил есть, пить. У меня опять закралась мысль о чуде. Мы проговорили с ним весь вечер и почти всю ночь. Я растирал ему ноги и руки, а он вспоминал свою юность и молодость. Как он служил в армии, как работал ювелиром. Рассуждал, какие новшества надо будет сделать на даче в Молдавии.

- Костя, знаешь чего я хочу больше всего в жизни?

- Говори, я всё исполню.

- Я хочу хоть пять минут полежать на животе.

От того, что у него отказали почки, вода из организма уже не выводилась, и он раздулся как воздушный шарик, наполненный водой. Я схватил его и стал переворачивать, а он ухватился костями (да-да, именно костями, мышц на руках уже не было) за боковую спинку больничной койки. С третьей попытки у нас получилось перевернуть его на бок. Я стал массировать ему спину, а он выть от удовольствия. Много ли человеку действительно надо?

Потом, ему поставили ещё один укол и он стал засыпать. Всё это время я старался и крепился, но вдруг меня прорвало на истерику. Слёзы просто хлынули из глаз потоком. Я стиснул зубы до боли стараясь не заорать.

- Фося, что с тобой?

- Ничего, просто устал.

- Ну иди домой поспи. Я тоже устал и проваливаюсь в сон.

Я пришел утром. Его жена уже была у него.

- Ну как он?

- Всё больше спит.

Сергей иногда просыпался, что-то говорил. Иногда со смыслом, а иногда бессвязно. Ближе к полудню появился хрип. Я знал этот хрип. Это был тот самый хрип - хрип смерти. Началась агония. Иногда он затихал и что-то говорил. Мы взяли его за руки.

Я был в полном отчаянии. Наступал конец. Я не понимал, почему у меня забирают моего брата. Почему его забирают всего? Пусть заберут ноги, руки. Я буду ухаживать за ним, он ещё будет у меня смеяться. Но почему его забирают всего? Что-то не так с этой жизнью. Где-то произошёл какой-то сбой.

Вдруг Сергей очнулся. Открыл глаза и... И он увидел смерть. Он испугался и в то же время удивился. Я же ему говорил, что он поправится. А оно вон как вышло. Обманул его брат. Так он и умер с печатью страха и удивления на лице.

Всё.

Конец.

20 июня 2022 г.